

Послушница Божией Матери

Вырицкая молитвенница

МАТУШКА ВАРВАРА

Е. А. Удальцов

Послушница Божией Матери. Вырицкая молитвенница Матушка Варвара. Жизнеописание

Православное издательство "Сатисъ"

2013

Удальцов Е. А.

Послушница Божией Матери. Вырицкая молитвенница Матушка Варвара. Жизнеописание / Е. А. Удальцов — Православное издательство "Сатисъ", 2013

ISBN 978-5-7868-0095-7

В брошюре рассказывается об удивительной молитвеннице – матушке Варваре, духовной дочери святого преподобного Серафима Вырицкого, ее жизненном пути, подвижничестве и ее молитвенной помощи.

ISBN 978-5-7868-0095-7

Содержание

Е. А. Удальцов
Послушница Божией Матери. Вырицкая молитвенница Матушка Варвара. Жизнеописание

Жизнеописание

Родилась матушка Варвара 7 ноября 1907 года в северном зырянском краю (республика Коми). Назвали ее Натальей. Три старшие сестры – Евдокия, Анна и Надежда были светлыми – в отца, а Наталья уродилась в мать – темненькая с карими глазами.

Село Пожегдин, расположенное невдалеке от красавицы Вычегды, окружали сосновые боры и могучие кедрачи. Край непуганых птиц и зверья изобиловал и рыбой, и лесными дарами. Беззаботно и радостно проходило Натальино детство. Она была любимой дочкой. Среди сестер выделялась красотой.

Семья жила зажиточно. Отец, Федор Михайлович, имел озеро, мельницу, кожевню. Родители были людьми благочестивыми, что сказывалось на всем семейном укладе. Звали они друг друга только по имени-отчеству.

Богатство не было самоцелью. За усердные труды Господь много давал, а родители не скупились делиться с односельчанами, вносили пожертвования на нужды церкви и монастыря Иверской иконы Божьей Матери. За большим обеденным столом почти всегда кормились «чужие» люди. Особенно обильно угощались односельчане в праздники. Третьяковы были одними из самых уважаемых людей на селе. Не барин был Федор Михайлович, а народ при встрече снимал шапки и кланялся.

Однажды погожим июньским вечером, когда семья вечеряла, в ворота постучали. Анюй и Найда зашлись злобным лаем. В стойле тревожно заржал Вороной.

– Кому бы это быть? – проговорила Пелагея Федоровна. – Евдокия, выдь погляди.

У ворот стояли два знакомых монаха из дальнего Печорского монастыря, Дорофей и Никодим.

– Дунюшка, дома ли родители?

– И тятенька, и маменька дома, сейчас кликну.

Вышел Федор Михайлович. Он был выше среднего роста, кряжистый, с окладистой рыжей бородой. При кротком нраве обладал недюжинной силой. Когда трелевали лес, и лошадь не могла вытянуть бревно, брался за подушку возка и вытаскивал его из «заедливого» места. По широкоскулому добродушному липу Федора Михайловича разбежались веселые веснушки. Цветом они походили на сосновую кору, которая отливала медью в лучах склонившегося к горизонту солнца. Федор Михайлович цыкнул на собак, и те послушно умолкли.

– Далеко ли, Божьи люди, путь держите? – спросил он, поздоровавшись с монахами.

– Здесь, благодетель, наш путь и заканчивается.

– Что ж, прошу в дом.

Федор Михайлович пропустил монахов и запер калитку из тесовых досок на засов. Из таких же крепких толстых тесин были сделаны и просторные ворота. «Однако, с чем же они могли пожаловать?» – подумал он и вошел вслед за Дорофеем и Никодимом.

Монахи дружно перекрестились, прочитали молитву и заключили ее словами:

– Мир и покой вашему дому, аминь.

Пелагея Федоровна захлопотала около неожиданных гостей, пригласила к столу. Федор Михайлович решил изменить планы на вечер и порадовать Дорофея с Никодимом хорошим угощеньем из свежей рыбы:

– Вы, дорогие гости, вечеряйте, а я брошу сетенку на удачу; может добрая рыбешка попадет.

Сеть он решил поставить в «своем» затоне, где любила жировать белорыбица, вкусноты неописуемой. Когда вернулся, дети уже почивали. Монахи и Пелагея Федоровна сидели в горнице и вели тихую беседу.

– Вот и хозяин, – приветствовал Никодим вошедшего. – Мы тут все дивились, Федор Михайлович, как искусно супруга ваша умеет подушки взбивать. Три подушки стоят уголками друг на друге, словно на иголочках, и не падают.

– Пелагея Федоровна многим может удивить, – ласково поглядывая на жену, ответил Федор Михайлович. – Всем ли гости довольны?

– Премного благодарны, благодетель. Не смеем больше вас тревожить, пора и ко сну отходить.

Ранним утром, да это еще и не утро было, а белая ночь, Федор Михайлович начал неторопливо выбирать сеть. Воздух был теплый, но вода еще не прогрелась, оттого и туман стоял не густой – прозрачный. От воды тянуло запахом рыбы и водорослей, который тут же перемешивался с ароматом прибрежного разнотравья. «Вот и покос на носу», – подумывал Федор Михайлович, не переставая передвигаться вдоль сети. Поплавки впереди вдруг резко ушли под воду, и Федор Михайлович почувствовал, как натянулась и задрожала сеть. Лодка слегка накренилась; что-то крупное и сильное заворочалось под водой, вздымая буруны над поверхностью. «Ну, ну, милая, не балуй, – добродушно и довольно ворчал Федор Михайлович, – Таймень или нельма?» Он был спокоен, потому что знал: редко удавалось рыбине вывернуться из сетей.

Рыбина оказалась огромной – больше метра длиной и весом под сорок килограммов. Хвост чуть ли не по земле волочился, когда Федор Михайлович нес ее домой. Проворная и привычная к разделке рыбы, Пелагея Федоровна успела приготовить роскошный завтрак: ароматную, наваристую уху, светящуюся янтарным жиром, расстегаи и рыбу разварную, которую так готовить никто не умел во всем Пожегдине. Напоследок Пелагея Федоровна принесла из ледника слегка примороженную и натертую солью строганину, которая не успела потерять речной свежести и таяла во рту.

Дорофей и Никодим вкушали с явным удовольствием, благодарили Создателя, хозяина и хозяйку:

– Всемилостивый Господь всем наделил Землю для радостного и счастливого житья. И не должны мы забывать возносить Ему ежечасно благодарственную молитву. Слава тебе, Отче наш…

Все, включая девочек, перекрестились.

– Однако, мы еще не приступили к делу, ради которого пришли, – продолжал Дорофей, поглядывая на Наташу. – Прислала нас хорошо вам известная игуменья Марфа. В монастыре живет прозорливая старица Лукерья. Было ей виденье: пришла к ней Богородица и повелела привести вашу Наталью в монастырь.

Пелагея Федоровна, не ожидавшая такого исхода разговора, прижала свою любимицу и заплакала. Потом горячо заговорила:

– Царица Небесная, прости меня, грешную! Не могу, мала она еще, – и десяти годков не стукнуло. Может, какая старшая заменит? – С надеждой посмотрела она на Дорофея…

– Ты нас прости, Пелагеюшка, но не можем мы этого себе позволить. Не в наших это силах. И печалиться шибко не надо – дело доброе, богоугодное… А сейчас мы и настаивать не будем. Поживем… Матерь Божья нас и умудрит.

Монахи не стали задерживаться и вскоре отправились в обратный путь.

Через два года Дорофей и Никодим пришли снова: «Богу угодна Наталья…»

Пелагея Федоровна смирилась и стала готовить дочь в путь. Примерно неделю жили Божьи посланники у Третьяковых. Как и в прошлый приход, у Дорофея за спиной была тяжелая ноша. С нею он почти никогда не расставался. Когда ложился, подкладывал под голову. Велико было любопытство девочек: что там может быть? Знали, что нельзя трогать чужие вещи, а спросить боялись. Любопытство в конце концов взяло верх. Улучив минутку и преодолевая страх, развязали мешок – в нем лежал камень…

Сзади раздался голос Дорофея:

– Ах вы, проказницы, где у нас березовая каша?!

Девочки онемели и даже не взвизгнули, как полагается в таких случаях.

Глаза у монаха были со смешинкой, голос нарочито строгий. Он явно не сердился:

– Если бы там сидел медведь…

Сестры переглянулись и заулыбались:

– Зачем вы носите такой тяжелый камень?

Дорофей задумчиво почесал бороду. Как растолковать этот вопрос попроще? Со взрослыми легче: для укрощения плоти, чтобы не понуждала она к страстям плотским. Решил ответить таким образом:

– Сон у меня, девочки, плохой – заснуть не могу. А вот день потаскаю этот камень, так утомлюсь, что вечером с ног падаю, – прилягу и тут же засыпаю.

Утром мать и сестры провожали Наталью в монастырь Иверской иконы Божьей Матери. Пелагея Федоровна благословила дочь двумя семейными иконами, передававшимися из поколения в поколение: Иверским образом Богоматери и «Неопалимой купиной». Вороной прядал ушами, вздрагивал всем телом и нетерпеливо перебирал ногами.

– Ну, все! – Федор Михайлович взял вожжи, и конь с места рысью вынес повозку за ворота. Пелагея Федоровна, вытирая концом платка слезинки, еще долго вглядывалась в удаляющееся облачко пыли, пока оно не скрылось за поворотом около озера.

Наталья оказалась послушницей примерной. Она благоговейно внимала слову Божьему, возрастала духом, постигала ремесла. До сих пор сохранились несколько рукодельных вещей, сделанных ею в монастыре.

Жизнь за стенами монастыря развивалась бурно и непредсказуемо. Октябрь семнадцатого года безжалостно разрушал устоявшуюся жизнь, уничтожал вековые традиции, опустошал Русскую землю. В одно из посещений своего села Наталья застала трагическую картину раскулачивания. «Все отобрала советская власть, – вспоминала матушка, – оставила голыми и босыми. При мне уводили отца. Помню, оглянулся в последний раз, и больше мы его не видели».

Долгое время Наталья спасалась от жестокого мира под кровом Царицы Небесной. Но в начале тридцатых годов волна лютых репрессий докатилась и до северной обители. К этому времени за веру были уничтожены десятки тысяч людей. Такая же участь ожидала и здешних насельниц. Когда монахинь и послушниц повели на казнь, необъяснимым образом появился благообразный старец. Он подошел к Наталье, взял за руку и властно сказал старшему конвоиру: «Не троньте ее! Это моя дочь!..» Конвоир не осмелился возразить.

Отойдя на безопасное расстояние, остановились. От волнения и переживаний Наталья плохо понимала, что происходит. Видела она раньше это ласковое, светлое лицо старца или нет? Кажется, он бывал в монастыре. А может быть кто-то похожий?… Все перепуталось. Старец велел Наталье идти домой. Потом сказал что-то совсем непонятное:

– Придет срок, приедешь ко мне в Вырицу, там встретимся.

Какая Вырица, где она? Наталья впервые слышала такое название.

– Теперь ступай и ничего не бойся. Молись Богородице, она заступится…

В родном селе все неузнаваемо переменилось. Некогда размеренная, хорошо отлаженная жизнь стала непонятной, суетливой. Много мелькало незнакомых людей с озабоченными лицами. Старшая сестра Евдокия жила в Сыктывкаре, об отце ничего не было известно. От горя и печали Пелагея Федоровна раньше срока постарела и, казалось, ничему не радовалась. Даже встреча с любимой дочкой прошла совсем не так, как раньше. Анна с Надей рассказали, что советская власть организовала леспромхоз, и что у них на постое живут пожилой Василий Степанович и молодой Михаил, работающие на лесозаготовках.

Вечером пришли постояльцы. Михаил сразу заметил Наталью:

– О, какие красавицы к нам прибыли.

Наталья отошла в сторону. Михаил, ничуть не обескураженный, хмыкнул, но цепляться больше не стал, вслед за Василием Степановичем ушел в свою комнату.

– Слышь, Степаныч, видно, эта и есть из монастыря?

– Похоже. Ничего не скажешь, девка хорошая.

Михаил, как и Василий Степанович, приехал в леспромхоз по набору заработать деньжат. Никаких других целей он себе не ставил. Но, похоже, с первого взгляда опалила неведомым огнем его сердце черноглазая красавица с длиннющей косой, уложенной по-особому – корзиночкой. Все заметней и настойчивей становились его ухаживания. Да и Наталья уже не сторонилась так Михаила, как поначалу – внимательней стала поглядывать на статного парня. Он не был красавцем, но лицо его привлекало внутренней силой и мужественностью.

Михаил не стал долго вздыхать под луной, купил пуховый платок в подарок и предложил выйти за него замуж. Все Натальино существо возмущалось и протестовало против этого. Воспитанная в духе монастырских предписаний и правил, она сохраняла строгую нравственность и чистоту помыслов, поэтому то, что говорил Михаил, казалось греховным и недопустимым.

Мать рассудила по-другому:

– Наташенька, ты же видишь, мир перевернулся и правит им сатана. Где ты теперь можешь найти Божий приют – все поругано. А жить-то надо, надо приспосабливаться. Ты же не приняла постриг… Михаил мужик стоящий. И нам будет полегче…

Один за другим у Натальи и Михаила родились двое детей – сын Боря и дочь Галя. Михаил плотничал и столярничал; помимо основной работы «подхалтуривал». На житье хватало. Рачительная и непритязательная Наталья умудрялась даже приберечь на «черный день».

У Михаила был старший брат Иван. Иногда он писал о жизни на «большой земле». Однажды пришло письмо с новым обратным адресом. На нем значился поселок Вырица Ленинградской области. Иван женился, как он писал, на Дусе и переехал в большой поселок. Расхваливал тамошние места, звал к себе: «И жилье здесь можно найти, и работы невпроворот – рядом такой городище! Сворачивайся, брат, и сюда. Сколько можно комаров кормить. Братья должны быть рядом…»

Услышав название Вырица, Наталья сразу вспомнила старца, спасшего ее от неминуемой гибели, и слова его: «Придет срок-приедешь ко мне в Вырицу, там и встретимся». «Значит, все было наяву- не сон, не выдумки, не бред, – раздумывала Наталья. – Как ехать в такую даль с двумя детьми?» Страх был естественным и понятным. Но понимала она и другое – слова старца не были случайными – вера в Божий Промысл в ней не остыла. Михаил уговаривал, и Наталья решилась. Чувствовала, что покидает отчий дом уже навсегда…

Встреча братьев после долгой разлуки прошла бурно и радостно. Жена брата Дуся оказалась приветливой гостеприимной хозяйкой.

Иван работал плотником в доме отдыха «Ленпромкассы», хлопотал об устройстве Михаила столяром и выделении его семье жилья. Наталья ему понравилась, и он кроме, как Натой и Наточкой, ее не называл. Ладились отношения и с Дусей. Так что Михаил пребывал в приподнятом настроении и не жалел о переезде.

У Натальи настроение не было таким радужным. Мирская суетная жизнь, в которой забота о душе была в загоне, ее тяготила. О духовном, о Боге говорить боялись. Не утихала и тоска по родным. С Михаилом хотя и жили дружно, но всем сердцем к нему так и не «прилепилась». Только любовь к детям, забота о них и упование на Божий Промысл поддерживали ее.

Что касается жизненного устройства, то все складывалось неплохо. Столяром Михаила взяли. Дали комнату и огород. «Будет картошка с капустой – не пропадем», – радовалась Наталья. Привыкшая к безукоризненному порядку и чистоте она на свой лад стала устраивать жилище. Наконец-то смогла поставить в Красном углу привезенные с родины иконы, несмотря на опасения Михаила.

Стали завязываться знакомства с местными жителями. Наталья очень возрадовалась, когда узнала, что в Вырице есть два действующих храма и даже где-то, за рекой, монастырь. Она побывала в ближайшем храме и полюбила его на всю жизнь. Это была красивая церковь Казанской иконы Божией Матери, воздвигнутая в честь 300-летия дома Романовых.

От прихожан Наталья услышала о чудотворном старце отце Серафиме, жившем на Пильном проспекте. «Не тот ли это старец?» Наконец, она решилась и направилась к нему. Да, это был он: с благообразным ласковым лицом и добрыми серыми глазами. Наталья упала на колени:

– Батюшка, возможно ли такое?...

Старец кротко улыбнулся и ласково ответил:

– У Бога все возможно...

Наталья стала благодарить отца Серафима за чудесное спасение. Он остановил ее:

– Встань, дочь моя. Не меня надо благодарить – Бога и Царицу Небесную, твою Заступницу. Ждал я тебя...

Когда матушка Варвара поведала эту историю мне, человеку в то время больше размышляющему о вере, чем верующему, трудно было ее принять без сомнения. Как говорил преподобный Антоний Великий: «Если ты будешь говорить не духовному о духовном, то ему покажется смешным». Но чем больше я читал святоотеческую литературу, Евангелие, тем больше рассеивалось сомнение.

Сотни, тысячи случаев описаны, когда люди в критических ситуациях в отчаяньи взывали к Николаю Угоднику, и он незамедлительно являлся в образе «дедушки» и помогал. А какие чудеса творил великий молитвенник и патриот земли русской преподобный Иоанн Кронштадтский.

Позднее, когда я читал жизнеописание иеросхимонаха Серафима Вырицкого, где рассказывалось о многих случаях его благодатной помощи, от сердца совсем отлегло. Там тоже говорилось о явлениях старца, похожих на рассказ матушки Варвары.

Один фронтовик, вернувшийся домой после войны, рассказывал, как он, будучи старшим лейтенантом и командиром батальона, занял со своими солдатами спиртовой завод в Германии. Там стояли цистерны со спиртом. Все думали – ну вот теперь поживимся. Вдруг появился полковник и сказал комбату:

– Приказываю Вам немедленно расстрелять цистерны.

Старшему лейтенанту и в голову не пришло ослушаться. Дал приказ, и солдаты расстреляли цистерны из автоматов. Спирт вылился. Все стояли в недоумении, не понимая, зачем они это сделали. Тогда решили обратиться к полковнику. А полковник как сквозь землю провалился. Комбат подумал: «Может, это было наваждение?» Начал спрашивать у солдат, но все отвечали, что был полковник и был приказ. Как выяснилось впоследствии, в цистернах находился метиловый спирт. Так что тех, кто выпил бы его, ожидала смерть.

Открылось все, когда старший лейтенант увидел у матери в уголке с иконами фотографию монаха, в котором узнал полковника. Он спросил, кто это. Мать ответила, что это духовный отец ее, иеросхимонах Серафим. «Он молился за тебя всю войну, – сказала мать, – я его просила, чтобы молился за тебя, чтобы ты вернулся живым».

Так что, когда батюшка Серафим, при первой встрече с Натальей в Вырице, кротко и просто произнес: «У Бога все возможно...», будущая схимонахиня уверовала в это без сомнения.

Наталья приходила к отцу Серафиму и по духовным делам, и по мирским. Вскоре на ее долю выпало тяжелое испытание – Господь в одночасье прибрал детей. «От высокой температуры сгорели на глазах», – вспоминала матушка.

Понимала, что все делается по воле Божьей, но сердцу не прикажешь – оно разрывалось от горя. Решила, что жить в миру не для нее. «Не зря меня Царица Небесная призвала к мона-

стырской жизни еще в детстве, – рассуждала Наталья. – Буду искать монастырь – не все же разорили. Говорят и здешний еще действует. Схожу к батюшке за благословением».

Отец Серафим принял Наталью ласково, но благословения не дал: «Натальюшка, велико горе твое, терпи. Господь ведет своих избранников ему одному ведомыми путями. Тебе определено жить в миру, помогать людям и молиться за мир. Тебе много будет дано, много и взыщется. Готовься… А невинные души детей твоих приняла Царица Небесная. Я ведь тоже двоих потерял. Не печалься, родишь ты еще и сына, и дочку».

Ободренная и смирившаяся, возвращалась Наталья домой. В опустевшей и осиротевшей комнатке она припала к иконам и, обливаясь слезами, горячо взывала к Богородице и Ее Сыну: «Простите меня, грешную, простите слабую, простите недостойную!» А перед глазами всплывал чистый смиренный образ батюшки Серафима, от которого исходили величие и твердость духа. И все слышался его голос: «Не прилепляйся ни к чему земному. Люби, но не прилепляйся!..»

Жизнь продолжалась, наполненная и дальше неисчислимыми скорбями и мучениями. Но никакие страдания: теснота, голод, многочисленные телесные недуги и немощи, непосильный труд – не поколебали ее веру к Создателю и Божией Матери. Предсказания старца сбывались в полной мере. За несколько лет до войны первым родился Володя.

Сбылось и еще одно его пророчество – усиление гонений на церковь и верующих. Закрыли оба вырицких храма. И опять батюшка Серафим утешил Наталью, предсказав расцвет Церкви. Он призывал своих чад к терпению и братолюбию.

Раньше Наталья много времени проводила в церкви: молилась, убиралась, следила за лампадками. Теперь посвящала жизнь внутренней молитве, сыну и огороду.

Михаил с братом, по-прежнему, работали в доме отдыха. После рождения Володи он воспрянул духом. Собрав артель, братья стали по заказу строить дома. Вспоминая добротный, ухоженный родительский дом, Наталья не раз подступала к мужу:

– Михаил, свой-то когда будешь строить?

На что тот всегда покладисто и шутливо отвечал:

– Так, Натальюшка, вот как заработаю, сразу и начнем…

Как знать, может быть и осуществились бы Натальины планы о своем доме… Руки у братьев были «золотые». Построенные ими дома до сих пор украшают Вырицу. Если бы не очередная война…

Моторизованная стальная лавина под лязг гусениц и бравурные марши быстро докатилась до Вырицы и оккупировала ее. В тихом дачном поселке зазвучала резкая, отрывистая немецкая речь и уже совсем незнакомая румынская. Новая власть не мародерствовала, не бесчинствовала. Тем самым она показывала местным жителям, что пришла надолго и всерьез, что новые порядки и законы исполнять нужно неукоснительно. Иначе: «Пиф-паф…»

Тут же нашлось немало пособников из местного населения, щеголявших в новенькой форме полицаев. Им нужно было выслужиться, поэтому они усердствовали больше хозяев.

Одним из первых приказов коменданта населению предписывалось уничтожить портреты всех коммунистических кумиров: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Их место должен был занять новый идол. Портреты Гитлера полицаи выдавали под расписку и требовали для них самое видное место.

Иван с первых дней войны был мобилизован на фронт. Михаилу, по состоянию здоровья, дали отсрочку и он вместе с семьей оказался «под немцем». Вовушке шел пятый год. Не по годам серьезный и рассудительный, он сразу невзлюбил Адольфа Гитлера и несколько раз пытался стащить портрет со стены.

Полицаи предупреждали: «Неуважительное отношение к портрету расценивается как неповиновение властям и по законам военного времени наказывается расстрелом». Нужно ли говорить, сколько натерпелись Наталья с Михаилом из-за этого портрета.

– Вовушка, дядя хороший… Он любит маленьких детей и его надо любить.

Но обмануть ребенка было невозможно.

– Я не хочу его любить!..

Приходилось портрет Адольфа Гитлера беречь как зеницу ока.

Германии постоянно требовалась рабочая сила. Поэтому все дееспособное население стали готовить к эвакуации. Брать разрешили самое нужное – ничего лишнего.

Перво-наперво Наталья собрала и упаковала то, что считала необходимым на новом месте. А потом стала думать, как рассортировать и спрятать остающееся. Она была уверена, что они вернутся, хотя Михаил приуныл и к решимости жены относился скептически. Тем не менее, по ее просьбе, стал копать в огороде две ямы.

В один из хлопотных дней Вовушка на какое-то время выпал из поля зрения. Когда Наталья вошла в комнату, то от увиденного обмерла – смертельная бледность покрыла лицо, пол под ногами поплыл как живой. На портрете вместо глаз зияли две дыры.

– Вовушка, что же ты наделал?…

– Не-на-вижу…

Наталья упала на колени перед Иверской иконой Пресвятой Богородицы и взмолилась: «О, Пресвятая Госпоже Владычице Богородице, приими недостойную молитву нашу, и сохрани нас от навета злых человек и от напрасный смерти, и даруй нам прежде конца покаяние, на моление наше умилосердися, и радость в печали место даруй. И избави нас, Госпоже, от всякия беды и напасти…»

Вошел Михаил. Увидев художество сына, присвистнул и приглушенно произнес:

– Вот это влипли…

Вова сидел в уголке и не поднимал головы. Михаил посмотрел на насупленного сына и даже повеселел, а про себя хмыкнул: «Ну, герой!.. С такими немца одолеем». Потом закрыл на крюк дверь и участливо сказал жене:

– Ладно, Натальюшка, не унывай. Если что, как-нибудь отговоримся. Сейчас этого супостата надо подальше спрятать, чтобы ни с какими собаками не нашли.

Когда Михаил вернулся, Наталья засобиралась:

– Пойду к батюшке, что он скажет?

Отец Серафим был, как всегда, спокоен и приветлив:

– Что же ты, милая, перепугалась. Разве не веришь своей Заступнице?

– Батюшка, дорогой, только на Нее и уповаю…

– Я знаю… Отправляйтесь со спокойной душой. Все благополучно преодолеете и вернетесь обратно.

Всю обратную дорогу Наталья молилась Богородице, просила простить ее за слабоверие, за неумение положиться во всем на волю Божию. «Как хорошо этому учат Оптинские старцы… Поделом мне, грешнице: больше умом живу, а не мудростью сердечной. Не научилась смирению. Разве жизнь бывает без скорбей? Господь сказал, что в мире скорбеть будете. Разве Сам Он не скорбной жизнью жил на земле. А Царица Небесная сколько претерпела!? Не было бы скорбей, не было бы и спасения. У батюшки нужно учиться смирению, душевному спокойствию и духовной крепости».

О точном дне эвакуации никто не знал. В одной из выкопанных Михаилом ям спрятали посуду и одежду, в другой – иконы, ведро соленых грибов, ведро клюквы, крупу, муку, сахар.

Жили в тревожном ожидании. Ходили слухи, что вывозить начнут со дня на день, но куда, никто не знал. Одни толковали про Германию, другие – про Прибалтику, третьи предполагали, что и вовсе угонять далеко не будут.

О том, как началась и проходила эвакуация, рассказывал Володя:

– Хотя я и был совсем маленьким, но запомнилось все очень хорошо. Немцы к нам пришли неожиданно. Забрали меня, отца, мать и тетю Надю – тети Дусину сестру. Где в то время

была сама тетя Дуся, я не знал. Посадили нас на машину и привезли на станцию. Там погрузили в вагон. Ехали несколько дней: думали, увезли за тридевять земель. На самом деле оказались в Калининской области. Приятно всем было, что остались на своей земле.

Вещи погрузили на крестьянские подводы, а людям пришлось шлепать по грязной осенней дороге. Всем руководили немцы. Шли долго. Остановились в деревне Чернцово. Здесь нас стали расселять по частным домам. Наша семья попала к доброй Марии. Она жила с бабой Пашей. В доме стало тесно, но они на нас не обижались – наоборот, жалели и помогали с едой.

Взрослые работали на полях, на скотных дворах, строили недалеко от деревни железную дорогу. Отец мой вскоре исчез. Немцы приходили, выясняли, ругались, грозили всех уничтожить, но ничего не узнали и оставили, наконец, в покое.

Весной 1944 года налетела наша авиация, разбомбила станцию, досталось и деревне. После бомбежки началось наступление наших войск. Из лесов вернулись партизаны. С ними оказался отец. Всех мужчин вскоре отправили на фронт.

Однажды мама сказала, что у меня летом появится сестра. Откуда она могла взяться, я не понимал. Мама рассказала сон: «Матерь Божья держит на ладошке младенца и говорит: „Вот я тебе даю дочку, смотри, не потеряй ее!“»

Действительно, летом у меня появилась сестра Галя. После этого в деревне мы оставались недолго. Мать с тетей Надей решили пробираться в Вырицу…

Дело было рискованное, но Наталья рвалась к своему наставнику. Их духовное общение никогда не прерывалось. Отцу Серафиму было открыто состояние своих чад, где бы они ни находились. Наталья постоянно ощущала молитвенную помощь старца. Поэтому в дорогу собиралась без сомнений.

Добрались без осложнений, удачно. Как жене фронтовика с двумя детьми администрация выделила Наталье комнату попросторней в «барском» доме на Кировском проспекте. Это был добротный, практично спланированный, один из лучших, по архитектурному облику, памятник деревянного зодчества. Увитый виноградом, он служил украшением Княжеской Долины. Наталья этот дом приметила еще до воины, когда ходила мимо него в церковь, но и помыслить не могла о том, чтобы жить в нем.

Не случайно Божий Промысл торопил Наталью в Вырицу, и не случайно она оказалась в этом доме. Година стояла суровая, голодная. В соседней комнате опухшая от голода неподвижно лежала Анастасия. Возле нее копошились две дочки. В Вырицу приехали перед войной из Невеля, после ареста мужа. Еды не было ни крошки. Ждать помощи было не откуда и не от кого.

Покидая в спешке Вырицу, немцы оставили в Натальиной комнате небольшой круглый обеденный стол, овальный туалетный столик, широкую железную кровать, стулья. Мебель оказалась немалым подспорьем: было на чем поспать, посидеть и поесть. Но еда стала главнейшей и насущной заботой Натальи.

Оставив Гал юшку с подросшим Володей, она направилась в старый огород. Без преувеличения можно сказать, что там сейчас решался вопрос жизни и смерти. Все время, проведенное в Калининской области, Наталья молилась о сохранении в первую очередь икон и продуктов. К этой яме она сразу и направилась. Спасительница-яма была цела. Во вторую – с одеждой и посудой – попала бомба.

Скудные запасы приходилось теперь рассчитывать еще на три рта. Наталья понимала, что, если ничего не предпринять, запасы быстро иссякнут, и ее постигнет участь соседки.

Первым делом она пошла на убранное капустное поле. Насобирала оставшихся капустных листьев и испекла пирожков. Обменяла их на хлеб и сало. Делить еду было доверено единственному мужичку Вовушке.

Позднее Анастасия вспоминала: «Ну, так нарежет, так нарежет, что в руки не взять. Бутерброды из хлеба и сала делал буквально с ноготок». Когда Натальи не было дома, она при-

сматривала за детьми. Наблюдала через оконце над дверью и всегда удивлялась самостоятельности Вовушки. К поручениям матери он относился серьезно, ответственно и выполнял все с точностью. В комнате всегда был порядок, Галюшка обихожена.

«Больше всего меня удивляла его выдержка, когда он делил еду, – рассказывала Анастасия. – Ведь совсем еще мальчонка: голодный, худенький, но, чтоб взял крошку в рот – никогда. Всем все поровну. Откуда у него такое чувство справедливости? Диву даюсь».

Отлучаться Наталье приходилось часто и, бывало, надолго. Какой физический и духовный подвиг пришлось совершить ей ради спасения своих детей и чужой семьи, знает один Господь. Он всегда направлял ее стопы в нужном направлении. А ходить приходилось с бесконечными ношами и за тридцать, и за сорок, и даже за семьдесят километров.

От постоянного недоедания Наталья стала опухать. Именно в это время из Германии вернулся Михаил с трофеями. Жить стало полегче. Появилась возможность почаще бывать у своего духовного отца и в церкви.

Казалось, можно и немного передохнуть от тягот земных. Но не оставлял Создатель Свою избранницу новыми испытаниями. Галюшке в ту пору, когда появилась невесть откуда взявшаяся болезнь, было три годика. Перестала пить, есть, побледнела, а потом и синеть стала. Подхватила Наталья дочку и к батюшке. «Предупреждала Царица Небесная – беречь, – неужели потеряю».

Старец все знал и сразу позвал в келлию.

– Отец мой, что с ней?… Умрет ведь, не пьет, не ест.

– Будет и есть, и пить. Дайте ей святой водички и просфорочку.

Галюшка выпила воду и сразу принялась за просфорку. Она оживала на глазах. Батюшка полулежал на кровати и добродушно смотрел на нее.

– Посади дочку ко мне, – попросил он Наталью.

Сначала с опаской, а потом все смелей, Галя стала играть дедушкиной бородой.

– Галюшка, что ж ты делаешь?! – заволновалась мать.

– Не трогай ребенка – пусть играет, – улыбнулся батюшка Серафим. – Домой придешь, девочка будет долго спать. Проснется, чтоб ни попросила, исполни.

… Попросила Галюшка молока.

«Нет, не случайно подступила болезнь. Это Богородица умудряет меня, – рассуждала Наталья. – Детей молоком надо кормить».

Скотину она никогда не держала, не знала, с какого боку к ней подойти, но взялась за обзаведение хозяйством без колебаний. Попросила Михаила в хорошо сохранившемся около дома хлеву обустроить закуток и принялась за поиски козочки. Так появилась кормилица Люся. Можно сказать, что Галюшка с нею и выросла.

Молоко стало хорошим подспорьем, но других продуктов катастрофически не хватало. Все приходилось добывать ценой неимоверных усилий. Прихожане церкви делились между собой опытом выживания, рассказывали, где и как можно купить продукты или сделать обмен. Узнала Наталья, что выгодней всего это сделать в Прибалтике.

«Я не знаю, в какое место мама ездила, – рассказывал Володя, – удивляет другое: как она вообще решилась на эту поездку. Ведь мама дальше Пожегдина, монастыря, да Вырицы нигде и не была. Если не считать эвакуацию. Тем не менее съездила удачно. Сообщила нам со станции, чтобы пришли помочь ей. Приходим, а около нее огромный мешок с мукой. Такие мешки весили от семидесяти до девяноста килограммов. И вот стоим втроем: мама – хрупкая женщина, и два ее мужчины – один подросток, второй – с обострением язвы. Увезти не на чем. Посмотрела мама на нас – только и сказала: „Помогайте на спину поднять“. До сих пор стоит перед глазами эта картина: согнувшаяся чуть ли не до земли мама и мы с папой по бокам. Помогали, как могли. Через какое-то время папа говорит: „Натальюшка, отдохни“. А она строго

в ответ: „Не сметь!“ Так три километра и прошли. Уму непостижимо – откуда у нее взялись силы?»

Когда Володя рассказывал об этом физическом подвиге, мне невольно вспомнилась история из жизнеописания иеросхимонаха Псково-Печерского монастыря преподобного Лазаря.

«Самый наружный вид о. Лазаря обращал на себя внимание: он был малого роста и ходил всегда согбенным, с закрытым лицом. В служении вид лица его крайне казался бледным, воскового цвета, или точнее – походил на мертвеца. Тело его чрезвычайно было истощено, кожа как будто приросла к костям, так что он мог сказать о себе с Царем-пророком: „Прильпе кость моя плоти моей“.

Но при крайнем изможении тела, подвижник был крепок духом, силен обитавшею в нем благодатию, дожил до глубокой старости, ибо преставился на 91-м году от рождения. И чем, как не силою живущей благодати объяснить в изможденном старце достаточную телесную крепость, обнаруженную при выносе из обители и при сопровождении в г. Пскове главной храмовой чудотворной иконы Успения Божией Матери в 1812 году? Он нес сию икону вдвоем с настоятелем, архимандритом Венедиктом; и когда этот, при всем избытке телесных сил, едва мог нести ее на гору монастырскую, о. Лазарь, неся ее, кажется, нисколько не чувствовал ее тяжести и удивил всех очевидцев».

Во всех своих делах Наталья ощущала молитвенную помощь батюшки Серафима. Она сознавала, что без его молитв и Божией помощи не смогла бы одолеть все тяготы мирской жизни, многие из которых и мужчинам-то были не по силам.

Наталья никогда не забывала поблагодарить своего духовного наставника. Не преминула она навестить старца и после поездки в Прибалтику. Во время беседы его лицо вдруг необыкновенно оживилось и посветлело.

– Ты еще в церкви не была. Теперь у нас новый настоятель – протоиерей Алексий. Очень хороший батюшка. Большой ревнитель веры Христовой, с чистым неподкупным сердцем. Много ему пришлось претерпеть за нашего Спасителя, еще больше претерпеть предстоит.

Провидя будущее отца Алексия, на лицо батюшки Серафима набежала тень, но оно тут же вновь посветлело, а в глазах появилось столько теплоты, столько доброты и любви. Наталья чувствовала, что в душе старца происходят непростые переживания, что к новому настоятелю у него особое отношение. Она не задавала вопросов, ждала, когда батюшка Серафим сам сочтет нужным заговорить.

– Я же с ним знаком много лет – со времени его службы в Феодоровском Государевом соборе. Он и с Императором встречался, и Семью Царскую знал. Ты полюбишь его…

Не мешкая, Наталья направилась прямо в церковь. От Майского проспекта идти было недалеко. Из головы не выходили слова отца Серафима. «Подумать только, самого царя – Божиего Помазанника знал! Может быть, даже исповедовал его? Какая ответственность – всю жизнь нести груз сокровенных мыслей и чувств такого Великого Мученика и Страдальца…»

Наталья быстро взошла по крашеным ступенькам крыльца, перекрестилась, прошептала молитву и вошла внутрь. Теплилось несколько лампадок, дававших зыбкий, призрачный свет. Чуть светлее было около правой веранды. Тишина… Будто и нет никого.

На веранде послышались шаги, и в дверном проеме показался священник. Поверх черного одеяния на груди поблескивал большой крест. Но не это бросилось в глаза Наталье. Все ее внимание сосредоточилось на лице. Обрамленное белыми волосами и такой же белой окладистой бородой, оно будто светилось. Сквозь малозаметные очки смотрели внимательные глаза. Они выражали такую мудрость, такую душевную теплоту, такое сострадание, такое смирение и евангельскую кротость, что Наталья невольно опустилась на колени. То же самое сделал и отец Алексий.

– Батюшка, Христос Воскресе! – вырвалось у Натальи.

– Воистину Воскресе, матушка! – ответил отец Алексий.

– Да какая же я матушка?

– Матушка, матушка. Слава Богу, не дает угаснуть светильникам православной веры…

По щекам обоих текли слезы.

С этого момента Наталья стала неустанной помощницей отца Алексия. На ее попечении были лампадки, свечи, уборка внутри церкви.

Володя учился в школе, поэтому Галюшка неразлучно была с Натальей. Она даже куклу Катю брала с собой, но не столько играла с ней, сколько старалась помочь матери.

Детство в памяти Галины сохранилось с удивительными подробностями. Помнит даже, в какого цвета ситцы наряжала куклу, и какие на ней были шляпка и туфельки.

– В церкви была деревянная стремянка, – вспоминает Галина. – С нее я зажигала лампадки и свечи перед службой, и гасила после нее. Отцу Алексию всегда прислуживали два Владимира: мой брат и Володя Карро – сын матушки Марии. Я очень гордилась, когда смотрела на них: оба одного роста, в одинаковых одеждах, красивые. Брат еще и за чтеца был. Отец Алексий его очень любил. Всегда приглашал на все требы.

Помню, в один из теплых воскресных дней, после обедни, сижу на лавочке – маму жду Голуби воркуют, воробьи чирикают, шмели летают, сиренью пахнет. Выходит отец Алексий, присел рядом и говорит:

– Галина, Катя приготовила обед, а сама ушла по делам. Пока мама занята, пойдем со мной пообедаем – мне одному скучно.

Я застеснялась, но пошла. Когда вышли на улицу после обеда, отец Алексий сел на ступеньку крыльца. Я села рядом. Под лучами солнца ослепительно сверкали камешки на кресте. Рука сама потянулась к ним. Отец Алексий снял крест и повесил его мне. Я покраснела, а он говорит:

– Галина, тебе идет, очень красиво… Крест, Галина, этот не простой: от Самого Царя, Императора Николая Александровича.

Естественно, я тогда не знала ни об октябрьском перевороте, ни о чудовищной трагедии на Урале, в Ипатьевском доме; радовалась жизни, как любой ребенок, ни о чем не задумываясь. Поэтому и спросила наивно:

– Отец Алексей, Царь хороший? Крест какой красивый тебе подарил.

– Царь, Галина, у нас был очень хороший. Он любил Бога, Матерь Божию любил. И вот таких маленьких детей, как ты, любил. Мечтал, чтобы наша Россия была могущественной и прекрасной державой. Царь очень любил свой народ, заботился о нем, хотел, чтобы все жили счастливо, в любви и согласии, и чтобы Святая Вера в народе была твердой и неколебимой.

– Отец Алексей, а почему ты все говоришь «любил»? Он что, больше нас не любит?

Батюшка улыбнулся и погладил меня по голове:

– Любит, любит, Галина, еще больше, чем прежде. Только не стало Государя в России. Осиротела святая Русь…

– Отец Алексей, почему Государя не стало?…

– Нашлись, Галина, недобрые люди: оболгали, оклеветали Николая Александровича – чистейшего, добрейшего, благочестивейшего Царя. А любимый им народ расслабился, поверил лжи и клевете, предал Божиего Помазанника. Во истину сказал поэт, что злые языки страшнее пистолета…

На тропинке показалась тетя Катя в длинной черной одежде.

– Вот и Катя наша идет. Беги, Галина. А то мама спохватится, волноваться будет.

Общение с дивным старцем Серафимом и великим исповедником отцом Алексием для Натальи стало бесценной школой духовного возрастания на пути ко Господу. Рассказы отца Алексия о крестном мученическом пути Царской Семьи после ее ареста укрепляли дух Натальи и неколебимость в вере. Кротость и смирение Царственных Мучеников, с которыми они переносили страдания и унижения, были величайшим примером покорности воле Божией.

Сердце Натальи очищалось, его заполняли сострадание к ближнему, христианская Любовь. Она и не заметила, как в ней появился дар рассуждения. Зато люди это заметили и стали все чаще обращаться к ней за советом. В ее советах и рассуждениях появились мудрость и, по милости Божией, такие знания, о которых она и не помышляла. Все чаще Наталью стали называть по имени-отчеству.

Весной 1949 года батюшка Серафим стал готовиться к завершению земного пути. Наталья Федоровна боялась, что он уйдет ко Господу, и она с ним не попрощается.

– А ты не волнуйся, Натальюшка, – успокоил ее батюшка, – час моей кончины не пропустишь. Покровительница наша известит тебя. Тогда и беги ко мне.

Так и случилось по молитвам старца – в ночь его кончины комната, где жила Наталья Федоровна, осветилась ярким светом…

Могила духовного отца для нее на всю жизнь стала предметом особого попечения. Она всегда была нарядной и ухоженной, с неугасимой лампадой.

С уходом отца Серафима центр духовной жизни полностью переместился в храм Казанской иконы Божией Матери. Рядом была могилка любимого батюшки, на которой к нему можно было обращаться «как к живому», там были его духовник отец Алексий и его любимая духовная дочь Наталья Федоровна.

Благочестивый, высокообразованный, прошедший через множество скорбей отец Алексий проводил богослужения с благоговением и искренней любовью к Богу, людям и многострадальному Отечеству. Своими проповедями отец Алексий согревал сердца прихожан, вселял в них надежду и веру, отвечал на многие житейские и другие насущные вопросы, в том числе и «опасные» в то время – о Царских Мучениках.

В своем чистом сердце отец Алексий сохранил самые светлые воспоминания об Августейшей Семье и не скрывал этого. Особенно трогательными были его рассказы о работе Государыни Императрицы и Ее Дочерей в царскосельских лазаретах. Молодой в то время пастырь воочию убедился, с каким состраданием, милосердием относились Они к пострадавшим защитникам Отечества.

Новые хозяева бывшей Российской Империи все держали под контролем. Теплые воспоминания отца Алексия о Царской Семье противоречили их лживой пропаганде и идеологическим установкам. В январе 1950 года отца Алексия арестовали за антисоветскую агитацию и за призыв верующих молиться за невинно убиенных… Божий пастырь на шестьдесят восьмом году жизни смиренно принял это тяжелейшее испытание. Его предсказывал старец Серафим, предчувствовал это испытание и сам отец Алексий. Незадолго до ареста он подарил Наталье Федоровне Библию, Евангелие и свою фотографию с надписью. На последнем свидании с сыном, перед отправкой в Озерлаг, батюшка кротко сказал: «Буди воля Божия».

Все годы, пока отец Алексий находился в заключении, Наталья Федоровна непрестанно молилась о его спасении и скором возвращении.

Новым настоятелем храма определили отца Михаила Иванова. Молодой священник оказался человеком не только глубокой искренней веры и любви к Богу, но и блестящим проповедником.

Как-то я спросил Галину: помнит ли она отца Михаила? Она, не задумываясь, ответила:

– Как сейчас вижу и слышу его беседы. Даже мне, маленькой, интересно было. Это было как спектакль. Перед амвоном расставляли лавки, а на амвон ставили аналой и стул. Отец Михаил, хотя и был молодой, но у него сильно болела нога, и стоять подолгу он не мог. Лампады гасились. Белые свечи в большой люстре тоже гасились. Это послушание всегда исполнял звонарь Иван Николаевич, дедушка нынешнего чтеца Льва Николаевича.

По времени проповеди длились долго, но они были настолько яркими, эмоциональными и вдохновенными, что пролетали как мгновение.

Однажды зимою со мной целая история приключилась. Дело было в субботу. Слева, около большой круглой печки, стояла скамеечка. Печка была теплая. Слушала я, слушала отца Михаила, пригрелась и уснула. Просыпаюсь – темно. Тишина. «Ах, проповедь закончилась. Все ушли, а меня закрыли», – тихо сказала я. Но не испугалась.

Поднялась и передвигаюсь мелкими шажками. Расположение я знала очень хорошо. Иду и рассуждаю: «Вот здесь аналой, надо повернуть за угол; тут колонна, а вот здесь подсвечник. Дальше дверь на веранду». Именно на веранду я и стремилась. Открыла дверь, а там такая же непроглядная темень. Добралась до окна и стала звать: «Мама, мама…»

Нигде, никого. За окном также темно. Хотя бы фонарик какой мелькнул. Села на лавку, раздумываю: «Мама увидит, что меня нет, пойдет к соседям. Не найдет, подумает, что я осталась в церкви, и придет с отцом Михаилом». Решила пробираться к входным дверям. Первая была прикрыта, а вторая, конечно, закрыта. Постучала. Опять позвала маму. И вдруг услышала голос отца Михаила:

– Она может испугаться, что-нибудь уронить и еще больше испугаться.

– Мама, я здесь, здесь, – позвала я.

Открыли дверь. Мама присела и спрашивает:

– Галюшка, как ты, испугалась?

– Нет, мне ни капельки не было страшно.

Отец Михаил похвалил:

– Молодец, какая хорошая девочка. Нам надо быть внимательнее… Пойдемте ко мне в гости, чай пить.

Мама стала отказываться:

– Нет, нет, отец Михаил, спасибо – у нас печка топится.

На следующее утро, в воскресенье, Галюшку не могли добудиться и оставили дома с папой. Отец Михаил, заметив, что Галины нет на службе, обеспокоенно спросил у Володи, прислуживающего ему:

– Все ли хорошо с сестрой?

– Не разбудить было.

– И правильно. Пусть ребенок отдыхает. Успеет еще причаститься.

Наталья Федоровна молилась во время службы благоговейно, сосредоточенно. На ее щеках часто появлялись слезы. Какие это были слезы: умиления, сострадания, жалости или вызванные снизошедшей Божией благодатью? Никто этого не знал. Она стояла рядом, но как будто была недосягаемой и жила в другом мире.

Глубокая молитва способствовала дальнейшему духовному возрастанию. Люди все больше тянулись к ней. Они открывали свои сердца в надежде получить помощь и поддержку. Наталья Федоровна принимала чужую боль искренне, как свою, просила в молитвах помощи горячо, усердно, всем говорила: «Сами Богу молитесь, Матери Божией, Спасителю. Без Божией воли с нами ничего не бывает».

А однажды, как знак особого внимания Богородицы, Наталье Федоровне впервые в жизни было видение. Явилась к ней ночью Царица Небесная, сияющая неземной красотой, и говорит: «Иди в деревню Вырица. Там будет направо прогон. В этом прогоне пасется белая лошадь. Возьми эту лошадь и привези Меня. Поставь Меня с левой стороны».

Радостно было увидеть Матерь Божию, но не смогла Наталья Федоровна растолковать смысл Ее указания. Не знала она тогда и слов св. Симеона Нового Богослова, который писал: «У тех только бывают истинные во сне видения, которых ум благодатию Святого духа сделался прост и свободен от всякого давления со стороны страстей и от рабства им, – у которых вся забота и попечение о божественном и все помышление о будущих наградах и воздаяниях, – которых жизнь выше жизни живущих, беспопечительна, неразвлеченна, тиха, чиста, исполнена

милости, мудрости, небесного ведения и других плодов благих, возделываемых в них духом святым…»

Приняла Наталья Федоровна видение за случайность, успокоилась и ничего не предприняла. Матерь Божия явилась второй раз.

Точь-в-точь повторила свои слова, но уже грозно. Матушка опять ничего не исполнила. В третий раз явилась Богородица и снова говорит: «Иди в деревню Вырицу. Там будет направо прогон. В этом прогоне пасется белая лошадь. Возьми эту лошадь и привези Меня. Поставь Меня с левой стороны. Если не исполнишь – накажу».

Больше матушка не раздумывала. Подхватилась и бегом к отцу Михаилу. Все ему рассказала. Батюшка очень серьезно воспринял рассказ:

– Знаю, есть в деревне Вырице прогон, и лошадь белая есть в нем, а в церкви пустует место с левой стороны от алтаря. Всякое знамение, явление, наставление Царицы Небесной надобно исполнять неукоснительно. По воле Богородицы и ее Сына свершается все на Земле. За непослушание им Бог может жестоко наказать не только отдельного человека, но и целые народы.

Слышала ль ты историю о Владимирском и Песчанском образах Царицы Небесной? Было это в 1915 году. Россия терпела на войне неудачу за неудачей. Тогда двоим было явление святителя Иоасафа, во время которого он говорил одно и то же: «Матери Божией угодно пройти по линиям фронта и покрыть его Своим омофором от нападений вражеских. Тогда смилуется Господь и дарует русским войскам победу, и не ради вас, грешников, а ради Царя – Помазанника Своего».

Доставка икон была организована по личному распоряжению государыни Александры Федоровны. В Могилеве посланный Императрицей из Харькова вагон со святыми иконами был встречен неподобающим образом. Протопресвитер Шавельский говорил: «Да разве мыслимо носить эту икону по фронту! В ней пуда два весу… Все это ваша мистика; это Петербург ничего не делает, и ему снятся сны, а нам некогда толковать их, некогда заниматься пустяками…»

Государю даже не докладывали о прибытии поезда из Харькова. Документально отмечено, что во время пребывания чудотворных икон в Ставке с четвертого октября по пятнадцатое декабря 1915 года не было поражений, наоборот – были одни победы.

В декабре иконы увезли; сама знаешь, что дальше произошло – Россия покатилась в бездну. А Песчанский образ Богоматери затерялся за границей и до сих пор не возвращен в Россию, – закончил отец Михаил.

Матушка во время рассказа крестилась и просила Царицу Небесную простить ее, грешную. Отец Михаил сказал:

– Надо собирать народ, пойдем крестным ходом.

… Когда телега, запряженная белой лошадью, подъехала к церкви, все было готово к шествию, – вот только куда идти, никто не знал. Батюшка рассудил по-своему:

– Матерь Божья указала на белую лошадь – она и должна нас привести, куда надо…

Возница отпустил сыромятные вожжи и лошадка, отфыркиваясь от назойливых слепней и мух, весело помахивая темным хвостом, направилась по Кировскому проспекту. Впереди процессии показался перекресток. Люди задавались одним и тем же вопросом:

– Куда же она теперь поведет: на станцию или через речку?

Телега, не сбавляя хода, повернула к мосту. Переехав его, громыхнула на камнях железными ободами и покатила дальше, вдоль речки. Открылась изумительная долина, с одной стороны окаймленная красным прибрежным песком, с другой – веселым сосновым бором. Речка причудливо петляла, создавая неповторимый колорит, дорога шла прямо. Послышались уверенные голоса:

– Так это же точно к монастырю…

– Верно, верно; только какие там иконы – от самого здания, считай, ничего не осталось.

Вот и поворот к монастырю. В тени огромных дубов, лип и сосен воздух посвежел, стал благоуханней. Не так докучали насекомые. Монастырская ограда сохранилась в целости, и даже ворота были заперты. Когда крестный ход приблизился к ним, ворота открылись как бы сами собой, что придало шествию еще большее возбуждение. Открыла их последняя игуменья монастыря Анастасия Романова. Она доживала свой век тут же за оградой в своем домике. Настоятельница поклонилась и проговорила:

– Поджидала вас, поджидала, следуйте за мной.

Икона была схоронена в одном из подсобных помещений. Она оказалась большой и тяжелой. Когда с нее сняли рогожки, лик ее так нестерпимо засиял, что даже светлее сделалось. Люди падали ниц и возносили хвалу Царице Небесной. Многие испытали ее благотворное влияние и даже исцелились.

Так игуменья Романова передала Иверский образ Божией Матери в храм, построенный в честь трехсотлетия династии Романовых. Теперь Наталья Федоровна всегда молилась возле этой иконы, обретенной по указанию Самой Богоматери.

Духовное возрастание послушницы Божией Матери шло в бесконечной череде скорбей мирской жизни. Муж и брат продолжали работать, неплохо зарабатывали, но деньги шли не впрок. Оба завели дружбу с губителем России «зеленым змием» и почти все пропивали.

Частые возвращения Михаила «навеселе» нарушали семейное спокойствие и смущали душу. Наталья Федоровна несла свой крест терпеливо и смиренно. В это время она трудилась на вырицкой «Биостанции». Там научилась выращивать великолепную клубнику. Клубника занимала на приусадебном участке второе почетное место после картошки. Самые крупные ягоды шли на продажу. Торговала на рынке сама хозяйка. Подвозил клубнику на соседском велосипеде Володя в небольших корзиночках, сделанных Михаилом. Каждую партию ждали в очередь и раскупали быстро. Себе оставляли только мелкие ягодки-витаминки. Делил клубнику по традиции Володя. Делил по справедливости, так же дотошно, как делил в свое время кусочки сала с хлебом.

Из оставшихся ягод Наталья Федоровна на керосинке варила варенье. На столе не переводилась селедка. Объясняла Наталья Федоровна это просто: «Поедят солененького, пить захотят. Попьют чайку с вареньем да хлебушком и сыты будут».

Чтобы скопить на одежку да обувку детям, Наталья Федоровна осенью стала квасить капусту на продажу. Квасила в огромной бочке. Капуста получалась такая знатная, что люди приходили покупать ее по нескольку раз в день. Володя не успевал подвозить. Соседки по рынку только вздыхали: «И чего там особенного?… Наша ничуть не хуже».

Михаил помогал семье все меньше и меньше. Под предлогом ночевок у брата он частенько не приходил домой. Володя учился в школе у станции, где жили дядя Ваня с тетей Дусей. После занятий он нередко навещал их; бывало, и уроки делал. Володя стал замечать: когда отец у брата, как бы случайно там всегда оказывалась тетя Лида – подруга тети Дуси. Он не был наивным мальчиком – все понимал. Сыновье сердце наполнялось обидой и жалостью к матери.

Земля слухом полнится. Знала Наталья Федоровна о похождениях мужа, но виду не показывала. Ни разу она не попрекнула Михаила. Какие внутренние муки и страдания она пережила, ведомо только Господу. Для людей это осталось тайной за семью печатями.

Беда супружеской неверности – одна из самых распространенных проблем человеческих взаимоотношений. Ею занимаются психологи, юристы, суды. С нею шли и идут к старцам. Будто для Натальи Федоровны было написано одно из писем Валаамского старца схиигумена Иоанна своим чадам. Вот несколько выдержек из этого письма: «… Не отчаивайся, не унывай, успокойся. „Грех и беда с кем не была“, – говорит русская пословица. Боже упаси тебя уходить от мужа, терпи и молись… Ты, по заповеди Божьей, прости его, никогда не укоряй его, и не

напоминай ему об этом искушении… Господь по своему милосердию поможет вам пережить эту неприятность…»

Видимо, Божие милосердие Наталье Федоровне было ниспослано через сына. Не просто дался этот разговор Володе, по сути, еще мальчишке. Но смотреть молча на поведение отца, вносившего разлад и смятение в семью, он не мог и однажды выпалил:

– Ты уж, папа, определись раз и навсегда – с кем жить, с нами или тетей Лидой.

Михаил Андреевич опешил от слов сына и долго внимательно рассматривал его, будто видел впервые. Вопрос стоял ребром, и надо было на что-то решаться. До этого ему казалось, что состояние неопределенности при покорном молчании Натальи Федоровны может продолжаться еще долго, а там, глядишь, все устроится само собой. Порывать с семьей он не собирался. Михаил Андреевич хотя и имел слабости, но детей любил, особенно Галину. Кроме как ласково «желанный мой», ее и не называл. Но отцовское самолюбие было уязвлено сильнейшим образом.

– Да я смотрю, сынок, ты совсем большой стал. Сам додумался до этого или кто подсказал?

Мотушка Варвара

За советом к матушке

В гостях у матушки

В больнице блж. Ксении Петербургской

Иверская икона в Вырицкой Казанской церкви, обретенная по указанию Божией Матери

Молитвенный уголок в доме матушки

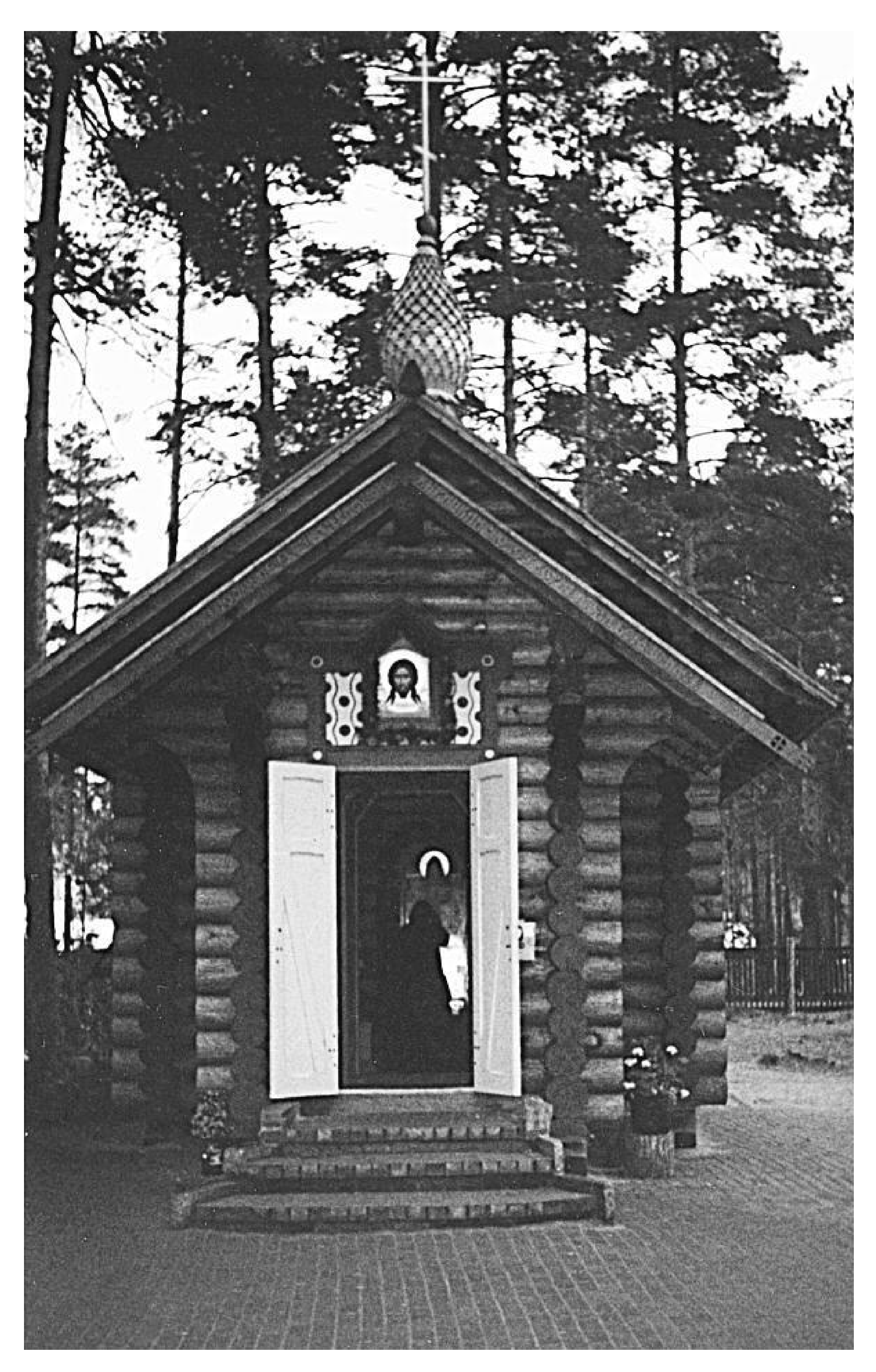
Могила матушки Варвары рядом с Казанским храмом в Вырице

Панихида на могиле матушки Варвары

У матушки

Часовня над мощами прп. Серафима Вырицкого, духовного отца и наставника матушки Варвары

– Никто мне ничего не подсказывал, – потупился Володя.

– Ну, что же. Поживу покау Вани, а там видно будет…

Володя понял, что отец к ним больше не вернется, что в семье он теперь единственный мужчина и что ответственность за мать и сестру во многом ложится на него. Было страшновато и одновременно легко. Удалось высказать то, что давно тяготило, будто камень с плеч свалился. «Ничего, буду работать, деньги маме отдавать, проживем. Надо с Геркой поговорить, им тоже деньги нужны».

Володя живо представил небольшую комнатку в коммунальном доме возле речки – невзрачный стол, два стула, окно, выходящее на дорогу, и два матраца около него. На одном спал его школьный друг Герман, на втором сестра Люда и их мать тетя Валя. «Будем красить заборы, дрова пилить и колоть, огороды копать… Найдется работа – было бы желание». Окрыленный своими надеждами Володя совсем повеселел и, почти бегом, направился домой.

Трудное детство сформировало незыблемый характер на всю жизнь. Владимира Михайловича отличали ответственность, безкомпромиссность, прямота, честность и неподкупность. Будучи офицером-подводником, а в дальнейшем военпредом на заводе, он никогда не шел на сделку с совестью, хотя «подбивали» его на это часто. Ради досрочной сдачи продукции и получения премии за ним буквально ходили по пятам.

– Владимир Михайлович, ну это же мелочи – совсем небольшие отклонения. Разве они могут повлиять на работу узла в целом?!

– Из-за этих «мелочей», как вы изволите их называть, на морском дне остались сотни моих товарищей. И сам я попадал не раз в нештатные ситуации.

Лишенный корыстолюбия, карьеризма, лицемерия в этом продажном мире с «проржавевшими» идеалами, Владимир Михайлович выглядел «белой вороной». Но это его не смущало. Для него главным было: верность присяге и служение Отечеству. Любовь к Родине была для него не пустым звуком, «медью звенящей». Владимир Михайлович пронес ее через всю жизнь с болью в сердце за вечную неустроенность России.

Наталья Федоровна удивлялась терпению сына, с которым он старался ей помочь. «Ну, ничего, Господь не оставит Вовушку за добрые старания», – вздыхала она. Правда и вздыхать было некогда. Сама трудилась, не покладая рук, не жалея себя. Чтобы свести концы с концами приходилось работать в двух-трех местах.

Но и в эти трудные годы Господь не оставлял свою избранницу скорбями. В больнице, где она работала, упала со стремянки и сломала пяточную кость на правой ноге. Неправильно срослась – пришлось снова ломать…

Зимой многие просили Наталью Федоровну выполоскать белье после стирки – берегли здоровье. А она это делала голыми руками – не мерзли. Ранней весной, когда река уже вскрылась, пришлось полоскать по колено в воде, так как мостки унесло. Застудила ноги. От переохлаждения воспалилось правое ухо. Терапевтическими методами вылечить не смогли. Вынуждены были сделать трепанацию. После этой сложной операции врачи забыли тампон и зашили его. Рецидив оказался более тяжелым, а повторная операция более сложной. В результате ухо перестало слышать.

И это только небольшой перечень телесных страданий, которые пришлось претерпеть Наталье Федоровне на подвижническом пути к стяжанию евангельских свойств души. Силу ее внутреннего подвига на этом пути нам определить невозможно. Безусловно, совершить его помогли и наставления батюшки Серафима, который их унаследовал от своего духовного наставника – святого преподобного Варнавы Гефсиманского: «Скорби – это неизбежные спутницы всякого искреннего и истинного работника на ниве Христовой, поэтому заранее запасайтесь мужеством духа в покорность Промыслу Божиему».

В один из редких дней, когда Наталья Федоровна оставалась одна в комнате за молитвой, а дети были в школе, произошло чудесное событие, которое изменило весь ее жизненный уклад. Будто воочию увидела она спешившую печальную женщину. Раньше Наталья Федоровна ее не встречала, но в то же время знала, что незнакомку зовут Надежда. И вдруг Наталья Федоровна ясно увидела дом на Вокзальной улице: распахнутые двери, скулившую собаку у крыльца, внутри разбросанные вещи. За столом, уткнувшись в ладони, сидел Василий. Мужчину она тоже видела впервые, но в его имени не сомневалась. Наталья Федоровна поняла, что Надежда – жена Василия, и спешит она к ней просить о помощи. Поняла и испугалась: «Да кто я такая, чтоб могла помочь – у самой муж пьянствовал». И как молния пронзили слова отца Серафима: «Тебе много будет дано, много и взыщется…» Наталья Федоровна упала на колени и стала горячо просить Богородицу: «Царица Небесная – Заступница, не оставь меня, грешную. Умудри, вразуми, помоги…»

На лестнице послышались шаги, в дверь робко постучали.

– Здравствуй, Надежда.

– Здравствуйте, Наталья Федоровна.

Моложавая, приятной внешности женщина выглядела растерянной и не знала, как начать разговор.

– Мне подсказали люди обратиться к вам… А откуда вы знаете, как меня зовут?

– Не надо ничего говорить, горемычная, садись рядом, поплачь, и легче станет.

По молитвам Натальи Федоровны и самой Надежды, которая стала постоянно ходить в церковь, Василий и не заметил, как его перестало тянуть к выпивке. Он с удовольствием ездил в Ленинград на работу, с увлечением занимался хозяйством, которое крепло изо дня в день. И, самое главное, Василий совершенно другими глазами стал смотреть на жену. Они будто заново открылись у него. Жившая вечно в страхе Надежда была замкнутой, забитой и какой-то серой, непривлекательной. А теперь она просто расцвела. Миловидное лицо выражало спокойствие, глаза излучали тихую радость и внутреннюю теплоту. Такой взгляд бывает только у людей любящих. «Какой же я был дурак, – корил себя Василий, – такое сокровище бы мог потерять».

Господи! Разве это не диво дивное! Какое преображение происходит в людях по Твоей милости! Жили два человека, и был у них ад. Алкогольное затмение разума и потемнение душевное порождали брань, злобу, ненависть, распад и уничтожение. И вот Бог посредством Святого Духа посетил сердца этих двоих. Те же люди, те же обстоятельства, но жизнь чудесным образом превращается в рай. И воцарились в доме Любовь, Мир и Благодать. А дети? Вскоре и дети появились…

Живая, чистая, горячая вера, стремление вознестись душой к Создателю, Богородице и Спасителю давно побуждали Наталью Федоровну принять постриг. С уходом мужа больше ничто не мешало ей осуществить свое желание. Вскоре так и произошло. Наталья Федоровна приняла постриг с именем Пелагея, а затем – и схиму с именем Варвара.

«Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам», – говорил Иисус Христос. Человека безграмотного, но с верой, безраздельной, несомненной Создатель вознаградил удивительными способностями. Матушка умела прозревать в область будущего, настоящего и прошлого своих посетителей, проникала в мысли собеседника, видела происходящие события на расстоянии, исцеляла больных от неизлечимых недугов, обладала дарами молитвенного созерцания и духовного утешения.

Слава о вырицкой схимонахине распространилась очень быстро и далеко. К ней ехали со всех концов Советского Союза, бывали гости из Болгарии, Греции, Иерусалима. Сотни и сотни исцеленных, прозревших духовно, окрыленных верой уходили от нее.

К этому времени красивейший «барский» дом советская власть реконструировала и превратила в стандартную неприглядную коробку. Матушка переселилась в комнату на первом

этаже. Жила она теперь одна. Сын служил на Северном флоте, а Галина вышла замуж и переехала в Ленинград. Комнату матушка превратила в келью с множеством икон, лампадой.

Летом – на лавочке возле дома, а зимой – в прихожей ждали люди встречи с матушкой Варварой. Она с большой любовью и теплотой относилась к своим духовным чадам. Матушка никогда не теряла их из виду, знала обо всех их нуждах.

Молодой врач Марина Павлова ушла с дочкой от мужа. Муж просил прощения, уговаривал вернуться, обещал обвенчаться. Дрогнуло слабое женское сердце, поддалась Марина на уговоры. Но прежде, чем переезжать обратно, решила посоветоваться с матушкой Варварой. Схимонахиня на этот раз была строга и категорична: «Не смей!.. Чтоб ноги твоей там не было». Мужа вскоре нашли мертвого со связанными руками и многочисленными ранами. В квартире было много дорогих вещей, антиквариата – ничего не тронули.

Законы духовной жизни очень строги и действуют неукоснительно. Как показывает следующий пример, переступать их никому не позволено. Приехала как-то к матушке Валентина из Мурмана. Так матушка называла все, что находилось на Кольском полуострове. Обычно Валентина приезжала с матерью. На этот раз мать приехать не смогла, так как находилась возле умирающего мужа. У него был рак с обширными метастазами. Медики уже не пытались помочь.

– Матушка, вся надежда на тебя, – слезно просила Валентина.

– На Бога надежда. Буду молиться. Вы тоже молитесь.

Не один день и не одну ночь провела матушка за молитвой; не одну сотню сделала земных поклонов, ни на минуту не выпускала из рук четок, ничего не ела, но чувствовала, что молитва не доходит до Господа. В одну из ночей явилась к ней Богородица, села на «свой» стул у комода (матушка на этот стул никому не разрешала садиться) и говорит с укоризной: «Не за свое дело, Варварушка, взялась. Отец небесный этой болезнью наказывает людей особо и много грешивших. Никому не позволено за них заступаться. На этот раз Господь прощает тебя за твое усердие и Григория недостойного избавит от болезни».

Григорий действительно поправился – будто и не было у него онкологических проблем. Земля быстро слухом полнится. Люди узнавали, что матушка Варвара может избавить от рака, и шли к ней с этим недугом. Она всегда решительно отказывала.

Подвижники православной веры – это великие молитвенники, а не маги и чародеи. Они высказывают своим чадам только то, что открывают Силы Небесные. Господь, открывая судьбы людские Своим угодникам, дает возможность в них что-то изменить и исправить. Вот почему слова великих молитвенников всегда кратки и звучат не как доброе пожелание, а как указание, как закон. Скольких бед и ошибок можно было бы избежать, если бы исполнялись они без сомнений.

Несколько лет матушку посещала Аннушка – красивая богопослушная девушка. Однажды, благословляя Аннушку в очередной раз, матушка обеспокоенно сказала ей: «А ты, доченька, скоренько, скоренько, уходи в монастырь». Аннушка пообещала, но не придала большого значения словам «скоренько, скоренько». Решила важнейшее дело отложить на осень. Летом Аннушка трагически погибла.

Матушка обычно говорила мало и кратко. «Андрюшенька, в церкви кадят во славу Божью, а курить – бесам кадить. Сигаретки – дьявольские детки».

– Лет 20 не мог бросить курить, – рассказывал Андрей, – И после этих слов не бросил. Помню, приехали в Вырицу, идем с женой со станции, сигареты в кармане. Вдруг мысль: «Зачем они лежат?» Вытащил пачку, хотел выбросить. Потом решил оставить одну – на всякий случай. До сих пор дома лежит, как экспонат. Вообще-то привязчивая зараза, вначале даже снилась.

К матушке Варваре приходили не только с житейскими, бытовыми вопросами, но и с общественно-политическими. Во время предвыборных баталий за президентство между Зюга-

новым и Ельциным многие спрашивали: «Придут ли к власти коммунисты?» «Нет, не придут», – твердо отвечала она.

После взрыва в Москве двух жилых домов матушка Варвара и еще шесть представителей духовенства облетели Санкт-Петербург на вертолете, чтобы оградить город от подобных террористических актов.

Матушка была истинной молитвенницей. Когда ее просили: «Матушка, помоги», – неизменно отвечала: «Господь помогает и Царица Небесная! Я только молюсь за вас». Напутствуя и благословляя своих чад, матушка Варвара всегда говорила: «Молись и ходи в Церковь».

Ревнивое служение людям и Богу не давало покоя темным силам, которые постоянно ополчались на матушку. Лукавый постоянно пытался разрушить эту крепость, в которой заблудшие люди находили покой и утешение, смягчали сердца, переосмысливали свою жизнь, вступали на духовный путь и обретали истинную веру. В ход шли коварство, клевета, подставные страдальцы, лжеверующие, месть.

Но матушка была кремень, о который лукавый обламывал зубы. Борьба за людские души шла в прямом смысле не на жизнь, а на смерть.

Приехала однажды из Ленинграда к матушке за утешением ее духовная дочь Лидия Андреевна. Идет потихоньку, охает – ушибы болят. Получила она их, можно сказать, на ровном месте. Ехала на троллейбусе в церковь. На одном из перекрестков троллейбус резко затормозил; Лидия Андреевна не удержалась, упала и сильно разбилась. Вместо церкви попала в больницу.

Немного оправилась и – в Вырицу. Пришла, матушка лежит на кровати. Лидия Андреевна рассказывает свою историю и плачет.

– Не плачь, Лида. Меня вон как поддал: летела и кувыркалась. А он пляшет и смеется: «Вот как я монахиню поддал!»

Было это так. Матушка шла по дороге и ее сзади сбила машина. Удар был сильный. В результате обширнейшая гематома левой ноги, груди и два сломанных ребра. Очередное испытание матушка перенесла смиренно, без ропота.

Человека, сбившего матушку Варвару, нашли быстро, так как были свидетели происшествия. Водитель Леня искренне раскаивался, просил простить. Но самое главное, он недоумевал, как это вообще могло произойти:

– Честное слово какое-то наваждение. Ехал спокойно, дорога свободная. По обочине, в сторону церкви, шла ваша Наталья Федоровна. Вдруг в голове как затмение и голос: «Сбей ее, сбей, сбей…» Руль как будто кто-то тянет вправо. Я чувствую неладное, сопротивляюсь. Думал, проскочу. Нет! Машина как бы сама юльнула и задела Наталью Федоровну.

Матушка простила Леню сразу же без всяких оговорок:

– Как же я могу не простить, если сам Господь молился за распинателей своих и заповедал нам даже любить врагов наших. Без прощения и любви Бог не примет ни одной молитвы нашей.

«Мы видим великую битву добра и зла, – говорила блаженная Матрона, – и силы эти борются за каждую душу, за каждое проявление жизни. Злая сила губит сами истоки жизни, и, если бы не милость к нам Творца нашего, уже не было бы спасающихся на земле».

Примерно через год после кончины матушки Варвары открылась новая страница этой великой битвы добра и зла. В Вырице я встретил женщину, которую видел всего один раз, но она мне запомнилась. Видел я ее у матушки. Женщина показалась мне человеком богомольным, так как выделялась соответствующей одеждой. Удивило тогда то, что матушка не хотела её принимать, а потом бранилась: «Чтоб на порог ее не пускали».

Все прояснила эта неожиданная встреча. Женщина меня тоже узнала, потому что поздоровалась первой. В этот раз она была одета обычно, а вот лицо ее заметно изменилось: оно стало просветленнее, доброжелательней, более открытым, хотя и проглядывалась в нем глубокая, затаенная скорбь – именно это я подчеркнул в начале нашего разговора.

– Изменилось, все изменилось в моей жизни. Если бы вы знали, какие трагедии произошли со мной: погиб сын, единственную внучку Оленьку замучили. Дочка теперь несчастный человек. Муж ушел от меня. Что же еще может быть хуже? – Женщина замолчала, видимо, раздумывая, а затем продолжила. – Во всем меня обвиняют… Я и не оправдываюсь. За все нужно расплачиваться. Господь покарал меня. Больней всего то, что другие через меня страдают.

– Да что ж такое вы могли натворить? Кара, действительно, очень жестокая.

– Худой я человек, злой. Матушка это знала и понимала. Поэтому гнала, да и не только меня. С недобрыми намерениями приходили мы к ней. Называли ее колдуньей, чернокнижницей, а сами и были настоящие чернокнижницы – волки в овечьей шкуре. Было у нас задание: навести на матушку порчу или совсем извести. Скольких людей мы ввели в заблуждение, а матушку одолеть не смогли. Она не только нас не принимала, но и ничего нашего не брала. Свои «подарки» мы ухитрялись передавать через других людей.

– Ах вот каким образом в помидорах оказывались кнопки, в сухой чайной заварке – мелкие гвоздики, в рукавах подаренного пальто – иголки… Всего сразу и не припомню. Сколько раз матушка заставляла Галину совершенно новые вещи, доброкачественные продукты сжигать или выбрасывать. Зачем вам это нужно было?

– Вы думаете, я ведала, что творила?! Стоит только раз проявить слабость, тут же попадешь в дьявольские сети. Выпутаться из них без посторонней помощи невозможно. Для тех, кто попал в его сети, все остальные становятся врагами. Особенно те, кто истинно верует, несет в мир любовь и добро.

– Насколько я понимаю, вам удалось выпутаться?

– Слава Богу. Вскоре после смерти матушки я почувствовала внутри себя перемены, с глаз будто пелена спала, душа стала оттаивать. С ужасом осознала, что по моей вине все рушиться вокруг меня. Как я каялась и просила у всех прощенья, в первую очередь у матушки Варвары в надежде, что она услышит меня. Представьте, услышала – приходила во сне. Одета была в монашескую одежду, при жизни я ее в ней не видела, глаза добрые, ласковые. Говорит: «Молюсь я за тебя, зла не держу – злом ничего не исправишь. Сама молись! Тебе много надо молиться. Господь милосерден, простит». Простите и вы меня.

На прощание я спросил о муже.

– Муж вернулся, но многое не исправишь. Попросите, чтоб и Галина меня простила.

Поклонилась низко и пошла в сторону церкви.

О спасении души рассуждают многие, но изменить направленность мыслей, чувств, привычек, избавиться от страстей и прихотей не хотят и плоть диктует свое.

Матушка Варвара к телу относилась очень строго. Она вела аскетический образ жизни, довольствовалась малой толикой материальных благ. Всю жизнь вкушала самую малость простой, естественной пищи. Чтобы держать тело в чистоте постоянно постилась и часто голодала. В эти дни она проявляла несокрушимую твердость. Никакими силами невозможно было упросить ее поесть. В «особо тяжелых» случаях она молилась по несколько суток подряд, ничего не ела и не пила. Потом приляжет на кровать и через каких-то полчаса встанет.

Не понимая, что матушка жила своей особенной внутренней жизнью, скрытой от нас, мы подходили к ней со своими мерками, жалели, уговаривали еще поспать. Она неизменно отвечала: «Сон – дурак, не мешайте».

О том, что нам не дано понять и увидеть в жизни Божиих подвижников, хорошо сказал отец Паисий в своих воспоминаниях о последнем великом русском старце на Афоне батюшке Тихоне: «… Естественно для тех, кто живет во смирении и сам скрывается от глаз человеческих, понять и усвоить одну великую тайну, – насколько скрыта от посторонних глаз жизнь многих святых. Они видны для нас лишь во внешних их добродетелях, о которых мы и можем только писать. Но их внутреннее богатство, их сокровенная жизнь известны только Богу. И, может быть, только по любви к нам, грешным, и ради духовной нашей пользы Господь подви-

гает их приоткрыть нам нечто, чтобы и мы подвиглись на борьбу с грехом, чтобы и мы возжелали той нетленной красоты, которой они стали обладателями уже здесь, на этой земле».

При первом взгляде на матушку Варвару многие думали: «В чем только душа держится?», но душа ее держалась в очень сильном и гибком теле. Где же матушка брала физические силы? Её «гимнастикой и спортом» были поклоны. Тело получало такие нагрузки, которые не всякий спортсмен мог бы выдержать. Кожа на коленях от бесконечных поклонов была как «подошва».

– Не пекитесь о теле, пекитесь о душе, – говорила матушка. – Не разменивайте земное мгновение жизни вечной на услады. Не для этого Господь дал жизнь, а для испытания. Кто как его пройдет, тот так и жить дальше будет. Места на Небе каждому будут определены…

Конечно, можно полагать, что жизнь на Земле единственная данность, поэтому прожить ее надо в удовольствие, побольше «урвать» материального, чтобы обеспечить «будущее детей», а дальше «хоть трава не расти». Зачем ломать головы над вещами непонятными, которые нельзя понюхать, пощупать; лучше сделать вид, что они просто не существуют.

Но, возможно ли допустить, что путь человеческий заканчивается на Земле? Истинно сказано: тело – храм души. Если мы не находим силы и воли подчинить тело духу, не противостоим соблазнам и страстям, гибнут и храм, и душа. Такой душе, по словам матушки Варвары, «на Небе будет отведено не лучшее место».

Если я все это только предчувствую и предполагаю, то матушке, особым Божьим даром дано было проникать в эти бесконечные пространства и видеть там жизнь так же, как мы видим ее на Земле. Поэтому она так уверенно, со знанием и говорила о местах на Небе. Ей многое было открыто.

Сидим как-то у матушки, чай пьем, беседуем. Неожиданно лицо ее преобразилось, глаза засияли, она упала на колени перед стулом, что стоит у комода, восторженно воскликнула:

– Смотрите. Смотрите, кто к нам пришел! Царица Небесная!

Потом устремила взор кверху, воздела руки и сама потянулась за кем-то невидимым:

– Вы видели, видели?

– Нет, ничего не видели, – ответили мы в некотором замешательстве.

– Эх вы, слепцы, – разочарованно проговорила матушка.

Казалось, весь мир лежал у нее на ладонях, она вглядывалась в него и сокрушенно вздыхала, видя его несовершенство и утрату в людях божественных ориентиров.

Уйти в монастырь матушка могла давно. В 1979 году к ней приезжала за исцелением серьезного недуга игуменья Варвара из Свято-Успенского Пюхтицкого монастыря. Матушка ей помогла, и благодарная игуменья просила ее переехать жить в монастырь – «Любую келью сама выберешь, все условия для тебя будут созданы». «Нет, – отвечала матушка, – не я хозяйка. Матерь Божья Хозяйка. Она говорит, что я здесь должна помогать».

Долгое время нам неизвестно было об особом, необыкновенном послушании, которое несла матушка Варвара. Разгадка пришла сама собой. Как-то я подправлял в матушкиной комнате печку. В это время приехала Лидия Андреевна, та самая, что получила травму в троллейбусе. Мне разрешили остаться, и я продолжил свое дело, стараясь не вслушиваться в их разговор. Через какое-то время Лидия Андреевна спрашивает у матушки:

– А при Евгении об этом можно говорить?

Матушка Варвара встала, подошла к иконам, поправила фитилек в лампаде; какое-то время сосредоточенно молчала, крестилась. Потом повернулась и кратко ответила:

– При Евгении можно…

После этого подошла к железной кровати с высокими гнутыми никелированными спинками, привстала на низенький детский стульчик и, усевшись поудобнее, задумалась. Наконец, она решилась рассказать о явлении ей Богородицы.

«Было это, когда приняла я схиму. Пришла Царица Небесная и говорит: „Теперь, Варварушка, ты будешь отмаливать младенцев". Да каких же младенцев? Не поняла я. Тогда Пречистая Дева Мария повела ручкой и увидела я другой мир. Увидела я огромный океан и волны на нем. Среди волн этих множество людей. Вгляделась, а это детские головки. Плывут они несчастные, из сил выбиваются, пытаются за всякую щепочку, соломинку ухватиться. Волны же захлестывают их.

Потом увидела я множество веселых нарядных людей, идущих одной толпой. На руках у них и рядом с ними находились дети. Но люди эти, не обращая внимания на чад своих, своими руками бросали их в пучину волн. Дети тонули и кричали: „Мамочка, папочка, за что вы меня бросили?" А родители шли своей дорогой, окаменели сердца их, не слышали они криков детей своих. И когда увидела я это, то упала Богородице в ножки и взмолилась: „Царица Небесная, что же это такое?! Почему такое творится?!" Богородица ответила: „По грехам людей наступает такая жизнь. И такое, что ты видишь сейчас, будет твориться повсеместно. Родители добровольно примут на глаза свои шоры и не будут понимать детей своих. Умы и сердца их будут заняты ублажением себя, прихотей тела своего. И детей своих они истреблять будут. Мешают они жизни их греховной. Я, Варварушка, буду посылать людей к тебе, по указанию отца Нашего Небесного, и будешь ты отмаливать души младенцев невинных".

„Да как же я смогу отмолить их, сказала я Богородице, – я же тоже щепка в этом море". Повела опять Царица Небесная ручкой, и на волнах тех появился плот. „И будут рядом с тобой всегда Иоанн Креститель и Ангел Хранитель. Кого призовешь к себе, тот и будет рядом, и поможет тебе. Назидай, вразумляй приходящих к тебе"».

Матушка замолчала и тяжело вздохнула: «О, горе мне, горе! Прости нас, Царица Небесная, прости грешных. Как мы заставляем Тебя страдать и Сына Твоего – Защитников наших».

Я вслушивался в горестные вздохи и слова матушки и улавливал в них что-то очень, очень знакомое. «Где же я мог слышать или читать что-то подобное?… Да, да, конечно – это письма императрицы Александры Федоровны!..»

Одно из них было написано 8 января 1918 года в Тобольске и адресовано М. М. Сыробоярской: «…Так молилась, чтобы Господь дал разум, премудрость и страх Божий всем людям, чтобы Дух Господень сошел бы на всех. Боже, как все Христа распинают. Как Он ежечасно страдает из-за грехов мира!.. За нас Он умер, страдал и так мы Ему отплатили!.. Больно на душе вглубь смотреть, читать все в душах безумных слепцов… И Та, за всех страдающая, видит этот ад, рыдания Своих детей, приносит Сыну Своему все слезы и моления тех, которые еще не забыли прибегнуть к Ней за помощью участием и предстательством. Ее, Которая Его для нас грешных родила, жестоко мы, люди, заставляем страдать, но Она обещала всегда молиться за всех, к Ней прибегающих с мольбой».

«Почти сто лет прошло с тех пор, когда писалось письмо, а слова и горесть все те же – мир к лучшему не изменился», – раздумывал я, слушая матушку. Вспомнились и другие слова, где-то прочитанные. «Законы Бога вечны, и нет той силы, какая могла бы изменить их. Все бедствия людей рождены одной причиной и имеют одну природу- упорное противление законам Бога. Когда же одумается, опомнится гордый человек?» Под впечатлением страшной картины, нарисованной матушкой, у меня, буквально, опустились руки. Человечество все быстрей и быстрей несется к пропасти – сумеет ли оно остановиться?

В прихожей я помог Лидии Андреевне надеть плащ и не преминул спросить ее:

– А как же узнать, насколько помогает душам младенцев матушкина молитва?

– Все открывают Силы Небесные. Я вам расскажу то, что сама знаю. Матушка благословила меня выяснять тех, кто делал аборты. Я всех просила говорить правду, ничего не утаивать. Таким образом у матушки побывала Екатерина. Правда, она просила не за себя, а за дочку Светлану. В назначенный день Екатерина снова поехала в Вырицу. Матушка встретила ее и спрашивает: «Света что, уже была замужем, второй раз вышла?» Екатерина стала уверять, что

дочка замужем первый раз. «А Сережа… Сыночка ихнего видела, голова из моря покажется, он кричит: „А что меня оставили, а что меня-то оставили?“»

Екатерина вспомнила, что Светлана встречалась с Сережей до его ухода в армию. Ничего она не сказала дочке, собралась и снова поехала в Вырицу. «Ну вот, и слава Богу, – говорила потом матушка, – мальчик успокоился».

И еще один случай, Женечка, я вам расскажу. Иду как-то к матушке, навстречу Лариса – радостная, светится вся. Спрашиваю:

– Ты чего такая веселая?

– А матушка отмолила маминых детей.

Я знала, что мать Ларисы умерла и удивилась:

– Разве так можно?

– Матушка сказала, – можно.

Пришла я к матушке и вроде бы как упрекнула ее:

– Что же ты мне, мать, не сказала, что можно отмаливать детей тех, кто уже умер.

– Вот, вот – вовремя пришла, – не обращая внимания на мои слова, проговорила матушка. – Было мне видение. Стоит в дверях женщина в сером платке, в жилетке. Спрашиваю: «Ты кто?» Отвечает: «Татьяна».

– Матушка, это же моя мама.

После двадцати дней было и мне виденье. В квартиру пришла мама, а вокруг дети – девять человек. Все красивенькие – в голубом и розовом. Погостили они и ушли.

Я, конечно, на следующий день к матушке.

– Вот видишь, – обрадовалась она, – не прошло и сорока дней, а Господь показал, что детки уже одеты.

В 1996 году жизнь матушки Варвары резко изменилась. Седьмого ноября, в ее день рождения, в третьем часу дня под окна подкатила черная «Волга». Жена выглянула в окно:

– Ничего себе, целая делегация! И все духовенство. Нет, две женщины – одеты по-мирскому; одна вышла, другая осталась в машине.

Вошедшие помолились перед образами, затем поздоровались с матушкой и с нами. Когда все расселись, заговорил приехавший священник:

– Попечением Господа нашего и Царицы Небесной матушке исполнилось восемьдесят девять лет. Прихожане усердно молятся о ее здоровье. Все мы хотим, чтобы она пожила подольше, поэтому предлагаем вашей матери полежать в православной больнице святой блаженной Ксении Петербургской. Там ее обследуют, если надо подлечат, подкрепят витаминами. Жить матушка будет в отдельной палате. Что вы на это скажете?

– Мы за матушку не можем решать. Надо у нее спросить.

– Сделайте милость, спросите.

Матушка внимательно смотрела на говоривших. Не знаю, слышала ли она в этот раз или нет, о чем шла речь? Сказав «в этот раз», я не оговорился. На правое ухо матушка была совсем глуха, левым слышала с трудом: приходилось говорить в него очень громко. Так вот, к нашему удивлению, она часто возмущалась: «Что вы кричите, я лучше вас слышу». И сейчас мне показалось – матушка прекрасно поняла весь разговор, потому что когда жена спросила о ее согласии, с готовностью ответила:

– Да, да, поеду.

Напряженность ожидания у приехавших исчезла, все оживились:

– Вот и хорошо, и слава Богу.

Женщина оказалась врачом. Она на добровольных началах лечила нуждающихся на подворье Оптиной Пустыни. Звали ее Людмилой Ивановной. Она тут же предложила сходить к настоятелю церкви за прошением. Отец Алексий оказался на месте:

– Правда, не знаю, как и составлять такие бумаги, ни разу еще не доводилось, – улыбнулся, замявшись, батюшка.

– С этим, отец Алексий, мы в один момент справимся, опыт есть, – весело отозвалась Людмила Ивановна и быстро написала прошение. Отец Алексий расписался, поставил печать, и формальности на этом закончились.

Когда матушку посадили в машину, общительная и жизнерадостная Людмила Ивановна успокаивала жену:

– Вы не волнуйтесь, Галина Михайловна, ей там будет хорошо. Полежит недолго и вернется.

На самом деле все получилось не так. «Человек предполагает, а Бог располагает». «Недолго» затянулось на три года с перерывами на коллективные отпуска, когда больница закрывалась. Так было определено свыше, и матушка этому не противилась. Весь поток ее посетителей теперь переместился на набережную Обводного канала.

Все в жизни матушки Варвары было промыслительно – от рождения до последнего земного вздоха, а мы оказались только посредниками, исполнителями воли Отца Небесного и Богородицы. Наша задача состояла в том, чтобы прислушиваться к этой воле и не противиться ей. Все устраивалось как бы само собой: и легко, и чудно. И, на первый взгляд, случайные события выстроились в четкую, последовательную цепь.

Знала ли матушка о дне своей кончины? Знала. Правда, она никогда не говорила об этом, чтобы не расстраивать близких и, в первую очередь, свою дочь. Но, вне нашего поля зрения и понимания, приготовления шли своим чередом.

В 1999 году, за неделю до Покрова, жена нашла на матушкиной кровати между подушками черное покрывало с православными крестами. Когда прочитала слова «Со святыми упокой», – расплакалась. Матушка дремала, и слез дочери не видела. В это время в палату вошла сестра.

– Раиса Александровна, кто это додумался принести такое покрывало, когда человек жив и здоров?

– Сама не понимаю, Галина Михайловна, зачем и как попало сюда, не знаю, – искренне недоумевала Раиса Александровна. – Давайте, я уберу. Если нужно будет, возьмете.

После короткого сна-дремы матушка проснулась веселая, глаза сияли. Увидев дочь, радостно встрепенулась:

– Долго не приезжала, моя дитенка, соскучилась.

– Мама, я же вчера была.

– Обманываешь, надо чаще у матери бывать, – то ли шутила, то ли всерьез говорила матушка. – Ночуй сегодня у меня.

– Так мне же завтра на работу. Ужин еще надо приготовить.

– Ну ладно, детей лучше корми. Вот им витамины, – и протянула ветку бананов.

– Мама, бананы тебе самой надо есть, они полезные.

– Отстань, не хочу, вези детям.

…В среду, тринадцатого октября, жене на работу позвонила заведующая больничной аптекой Любовь Юрьевна:

– Галенька, тебе нужно срочно приехать. – Голос был как всегда деликатный, спокойный, но слова встревожили.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего. Матушка хочет тебя видеть.

С тяжелым сердцем жена входила в палату. Но все оказалось не так уж сумрачно. Матушка лежала на кровати. Лицо приветливое, жизнерадостное:

– Пришла. Я жду тебя.

Необычным было только то, что всегда тепло одетые ноги были голые. Потрогала и ничего не поняла: ноги не просто холодные, а «ледяные». Подошла к дежурной медсестре:

– Зинаида Петровна, а что с ногами у мамы?

– Галина Михайловна, ноги отнялись.

Когда жена вернулась в палату, матушка попросила:

– Галюшка, давай будем садиться.

Они проговорили до обеда. Матушка шутила, смеялась, и на сердце дочери отлегло. В палату проникал запах горохового супа и еще чего-то, слышалось бряцанье посуды. Галина подумала: «Почему маме не несут?» Обычно матушку кормили первой. Пошла выяснить, в чем дело.

– А что матушка будет есть? – Удивленно и в то же время обрадовано спросила Зинаида Петровна. – Вот, и слава Богу, вот и хорошо. Радость-то какая. Сейчас, сейчас принесем…

Принесли суп, картофельное пюре с курицей, чай. Матушка помолилась, тщательно перекрестила еду. Сколько я помню ее, крестила она всегда и все. Если одевалась, – то всю одежду, включая каждый носок, сапог или варежку; если ела – то каждое блюдо, каждый кусочек «хлебушка». Без креста она не делала шага. Крестила неторопливо, вдумчиво, глубоко осознанно, проникновенно, с верой в силу и действенность креста. Не случайно те, кто бывал у матушки, неизменно говорили: «Летишь от нее, как на крыльях!»

– Теперь, Галюшка, давай будем кушать, – предложила матушка жене, осенив крестом и себя.

– Мама, поешь побольше сама, я не хочу.

– Одна не буду, давай со мной кушать.

Матушка любила угощать и не любила есть одна. Будь то в Вырице или здесь, в больнице, кто бы к ней ни пришел, даже незнакомый человек, усаживала рядом с собой, угощала всем, что у нее было.

– Хорошо, хорошо, мамочка, давай поедим.

Поела матушка с аппетитом, попила соку:

– Ну вот, опять у меня Пасха…

Галина повеселела, появилась надежа, что все обойдется, и функции ног восстановятся. Стуженные-перестуженные, изношенные до предела ноги, уже не раз подводили матушку. Несколько лет назад они до таких размеров отекали, что кожа трескалась, из трещин сочилась сукровица. Какие-то таблетки согнали отечность, а масло из Иерусалима быстро заживило трещины.

Между тем, у больничных медиков беспокойство нарастало. Они то и дело заходили в палату, осматривали ноги, щупали пульс. Особую озабоченность проявлял главный врач – отец Артемий. Он склонился над старицей и спросил:

– Как, матушка, самочувствие?

– Хорошо, мой ангел.

Но сердечко ослабевало, пульс падал. Выписали рецепт на сильное болеутоляющее. Лекарство оказалось в ближайшей аптеке. К этому времени съехались авторитетные специалисты из разных медицинских учреждений Петербурга. Говорили вполголоса, приглушенно. Кто-то упомянул слово «ампутация». Похоже, что консилиум не принял определенного решения – стали разъезжаться.

В шесть часов вечера привезли капельницу. Матушка ни в какую не хотела ее ставить и бурно сопротивлялась:

– Хулиганы, насильники – издеваются над больным человеком.

Так она сопротивлялась два года назад в клинике Святослава Федорова. Матушка стала жаловаться на «дым» в глазах. В больницу пригласили окулиста. Оказалась в начальной стадии катаракта в левом глазу. Мы с женой сказали, что «дым» можно убрать, нужно сделать опера-

цию. Матушка согласилась. И вот уже на операционном столе, одетая в спецодежду, она начала отказываться. Бригада стала уговаривать, но матушка замахала руками и чуть ли не кричала:

– Увезите меня отсюда, ничего не надо, мне не разрешают…

Капельницу поставили, действительно, насильно. Пока не исчез весь раствор, матушку крепко держали. После такой «экзекуции» ужинать она наотрез отказалась.

Все происходило бурно, впереди полная неопределенность. Чтобы поддержать жену, решил ночевать в больнице. Но она отговорила:

– Поезжай домой, выспишься, как следует. Я же здесь не одна.

Матушка благословила меня, поцеловала:

– Ступай, мой ангел, с Богом, ангела-путника тебе.

Дома походил из угла в угол, на душе тревога – ладно ли сделал, что уехал? В одиннадцать часов зашел в спальню. Там у нас висит икона Богородицы. Взглянул на нее и оцепенел от неожиданности – лик всегда светлый, излучающий доброту, тепло, любовь, был если не суров, то очень строг и почти черен. Не нужно быть предсказателем, чтобы понять – Богородица мой поступок не одобряет. Не раздумывая, оделся и решил еще раз посмотреть на икону – лик был светлый и лучезарный, как всегда.

Выйдя из метро, пересек площадь Александра Невского, прошел вдоль забора Александро-Невской Лавры, миновал гулкий деревянный мосточек через канал и очутился в парке, почти не освещенном. Огромные вековые дубы и липы стояли сумрачными черными рядами. Казалось, вечность и покой окутали этот небольшой, безлюдный кусочек земли в центре огромного города. Лишь только в одном месте тишину нарушила возня потревоженных ворон и галок.

Больничные окна на втором этаже светились слабым, голубоватым от занавесок, светом. Матушка сидела, привалившись к дочери. Меня она не узнала.

– Галинушка, что произошло?

– В одиннадцать часов перестала говорить.

– Давай подержу, отдохни.

– Нет, я сама.

Ночью я дремал урывками, а жена так и не сомкнула глаз. В пять часов она аккуратно положила матушку на подушку и осталась сидеть рядом. Глаза у матушки по-прежнему были открыты. Дышала она тихо, ровно. Казалось, и не дышала, а только выдыхала, потому что заметен был только выдох.

В восемь часов утра со словами: «Наш долг бороться за жизнь до последней минуты» – медики поставили еще одну капельницу. В девять часов тридцать минут матушка произнесла последнее слово: «Галюшка» – и сделала последний выдох. Ее правая рука, изломанная и иссушенная, с выпуклыми синими сосудами, деформированными пальцами, не завершив крестного знамения, замерла около левого плеча. Матушка молилась всю ночь.

На этот раз ее душа покинула земную юдоль. Она и раньше не однажды рвалась в сияющие Горние Высоты, оставляя беспомощное тело. Были случаи, когда и пульс не прощупывался, и дыхание не ощущалось. К счастью, у матушки всегда были люди. Кто-то бежал за настоятелем церкви Казанской иконы Божьей Матери, другие молились о здоровье. Отец Алексий никогда не мешкал, причащал, душа возвращалась в безжизненное тело и матушка вставала.

Господь и Богородица не спешили принять душу своей избранницы. Слишком многие нуждались в ее помощи и утешении на Земле. И вот жизнь матушки Варвары, полная физических и духовных страданий, непосильного труда и нескончаемой душевной работы, закончилась в четверг, четырнадцатого октября 1999 года, в праздник Покрова Божьей Матери.

…Палата осветилась веселым ярким светом. Откуда он мог исходить? Все утро висели низкие, белесые тучи, периодически накрапывал занудный мелкий дождь. Я отодвинул на окне

занавеску и удивился переменившейся картине – в вышине ультрамаринового неба радостно сияло солнышко. Пугающий ночью непроницаемой чернотой парк сделался прозрачным.

Отец Артемий читал отходную молитву. Потрескивали свечи, пахло ладаном, слышались всхлипывания. В палате уже было тесно, а народ прибывал. Стояли в коридоре и на лестнице. Я слушал, смотрел и удивлялся: как так быстро могли собраться люди. Много было священнослужителей, наверное, из Духовной Академии, которая буквально в двадцати метрах от больницы. С последними словами «отходной» в церквях Лавры зазвонили колокола – вначале робко и неуверенно, потом – все настойчивей и веселей, пока не слились в единый торжественный и ликующий перезвон, призывая всех к праздничной Литургии. И яркий солнечный свет, и этот перезвон вывели многих из тяжелого скорбного состояния. Послышались облегченные перешептывания и возгласы:

– Какой чудный благовест!..

– Это матушку так встречает Царица Небесная!

– Вы посмотрите, и Небеса-то разверзлись!

– Для нашей Варварушки там давно место уготовано. Настрадалась она, бедная, на Земле.

С тихими разговорами люди расходились, а нам предстояло заниматься подготовкой к похоронам. Опыта в таких делах у меня не было. По православному обычаю тело должно быть предано земле на третий день. Время поджимало. Оставались неполный четверг и пятница. Самым сложным из всего, что предстояло, оказалась перевозка матушки в Вырицу. По правилам, вывозить за пределы города разрешается только в гробу и на спецтранспорте. Вновь наползли тучи, день посерел, все потускнело. Позвонил в одну из ритуальных контор. Бесстрастный голос известил: «Заявку можем принять только на завтра». В другой обещали прояснить обстановку и просили перезвонить. В третьей обнадежили на поздний вечер с оговоркой, если согласится водитель. Одним словом, бесконечные дозванивания и неутешительные переговоры.

Неожиданно в больницу позвонил знакомый нашей дочери Артур: «Лена передала, что у вас проблема – не волнуйтесь, скоро буду». Решительность, с которой все было сказано, подействовала успокаивающе, но что он мог предпринять? Артур только что начал работать в милиции в звании лейтенанта. У него, кажется, даже не закончился испытательный срок. Неужели «выбил» милицейскую машину. Стали ждать.

Матушку к тому времени обмыли и уложили в специальные простыни. Смерть не оставила на лице никакого налета. И тело, говорили, еще совсем теплое. Сестра-хозяйка принесла то самое черное покрывало.

– Вот, Галина Михайловна, и пригодилось…

– Мама говорила, что у нее для похорон все приготовлено: и одежда, и тапочки, и свечи, и крест в руки – дома лежит, в чемоданчике; она мне его показывала.

– Возьмите, не отяжелит, – настояла Раиса Александровна.

Появился Артур – озабоченный, чуть бледный.

– Жалко бабушку. Вы как, готовы?

– А ты на чем?

– На своем…

«Своим» был бордовый старенький фордик. Я всерьез озаботился:

– Артур, твоя решительность, безусловно, вызывает уважение, но как повезем? У нас даже свидетельства о смерти нет, только справка. В первую очередь, ты же рискуешь.

– У нас есть выбор?

– Выбора, пожалуй, нет, – согласился я.

Матушку перенесли в машину и усадили рядом с женой на заднее сиденье. Все сотрудники больницы вышли нас проводить, а потом, как они рассказывали позднее, пока мы ехали до Вырицы, молились за нас.

Город миновали благополучно и выехали на Московское шоссе. Сложности начались перед постом ГАИ. Там образовалась длинная «пробка». Машины проверяли. Для удобства проверки проезжая часть была сужена железобетонными балками. Продвигались куриными шажками. Настроение упало. Когда до поста оставалось метров семьдесят, из будки вышел человек в форме и направился в нашу сторону. Он шел неторопливо, профессионально помахивая полосатой палочкой. Чем ближе подходил, тем становилось яснее – шел он целенаправленно к нашей машине. Сердце екнуло: «Все, приехали». Жена сидела перепуганная. Что испытывал в это время Артур, можно только догадываться: «Прощай, с трудом доставшаяся работа, прощайте, права…» Кровь у него от лица отхлынула, пальцы, впившиеся в баранку, побелели.

Гаишник оказался высоким солидным капитаном с узкими черными усиками. Пройдя мимо нас, он потеснил несколько задних машин, подошел к нашей, показал Артуру сдать назад и выехать на обочину. Когда Артур это проделал, по возможности спокойно, капитан, так и не заглянув в салон, дал отмашку нам проезжать. Медленно доехав до будки, Артур притормозил. Несколько человек проверяли машины – у двоих из них были автоматы.

Сопровождавший нас капитан нетерпеливо показал ехать дальше. Вырулив на шоссе, доехали до поворота на совхоз «Федоровский» и остановились. Артур вышел из машины и закурил. Пальцы его дрожали, лицо стало приобретать естественный цвет. Из-за туч выглянуло игривое солнышко и брызнуло тысячами мелких лучиков. Оно сияло навстречу, но не мешало, а успокаивало и умиротворяло…

Определив матушку в ее комнате и попрощавшись с Артуром, мы первым делом направились в церковь. На углу Ракеевской улицы и Кировского проспекта оживленно беседовали три женщины. Одна из них была хорошо нам знакома – Нина, работала в храме. Узнав о кончине матушки, заохали, заахали:

– Надо же, как неожиданно упокоилась матушка.

– День-то какой выбрала Богородица, в свой праздник.

– Идите, Галинушка, батюшка еще в церкви, он вам все расскажет – что и как делать.

Отца Алексия застали на крыльце. Он только что закрыл дверь и собирался уходить. Нашему известию, кажется, не удивился, тепло и сострадательно выразил сочувствие и сказал:

– О кресте не беспокойтесь, крест есть, правда железный, но на первое время сгодится. Евгений с утра пусть позаботится о гробе. Сейчас надо матушку облачить. Дело это непростое. Зайдите к Нине – она это умеет хорошо делать.

– Только что видели ее, рядом с церковью стояла, разговаривала.

– Тогда поспешите, она собиралась к кому-то в гости. А мы с матушкой попозднее придем читать «отходную».

Мы сказали, что отходную уже читали в больнице.

– Ничего, лишним не будет. Это моя обязанность.

Женщины по-прежнему стояли на том же месте. Нина сразу заторопилась:

– Вот и хорошо. Мы все говорим и говорим, расстаться не можем – видно, вас поджидали. Сразу и пойдем, не будем время терять.

В «красном углу» комнаты теплилась лампадка, горела свеча. Нина посмотрела на матушку и удивленно воскликнула:

– Вы посмотрите, совсем как живая. Галенька, да она еще теплая… Одевать-то как легко будет. Давай посмотрим, что у нее есть…

Галина достала из шкафа коричневый чемоданчик, обитый блестящими металлическими уголками, щелкнула языком-закрывашкой и открыла его. Поверх лежало белое покрывало…

– Галинушка, белое не годится, – сразу отметила Нина, – надо черное, есть ли у вас черное?

– Привезли черное. Ты представляешь, какая с ним история произошла, – и жена рассказала то, о чем я уже поведал раньше.

– А я, Галинушка, ничему не удивляюсь. Вокруг матушки столько всяких чудес происходило… Ты же знаешь, что у нее в церкви любимой была икона Иверской Божией Матери.

– Она все время молилась около нее, – в тон ответила жена.

– Как она умела молиться!.. – восхищенно продолжала Нина. – Теперь никто так и не молится. А ты знаешь, что матушка привезла эту икону?

– Слышала про белую лошадь, но подробностей не помню – маленькая была.

– Мне матушка сама об этом рассказывала, – нараспев заговорила Нина, слегка растягивая слова, – и другие говорили, которые участвовали в тех событиях. Об этом любят поговорить… Придержи-ка, Галинушка, ручку – вот так, хорошо… Так вот, слушай, что я тебе расскажу. Настоятелем тогда был отец Михаил…

И Нина во всех подробностях поведала историю обретения иконы Богородицы.

– Вот, Галинушка, какие чудеса происходили вокруг матушки. Правда, тогда она еще и монахиней не была. Икону поставили на указанное место и отслужили благодарственный молебен. Вот как хорошо, за разговорами и управились. Тебе, Галинушка, еще много люди будут рассказывать про матушку, каких только чудес не было. Надо же, когда матушку в схиме увидела.

– Так она при жизни ее ни разу и не надевала; говорила, что не хочет выделяться: «Кому надо, и так найдут».

– Находили, находили! Без конца шли, – охотно подтвердила Нина. – А вот и батюшка с матушкой, слава Богу…

Рано утром, еще до открытия, я озабоченно прохаживался около «Меркурия» – местной конторы ритуальных услуг. Озабоченность не была случайной. Говорили, что гробы бывают не всегда. «Повезет – не повезет», – других мыслей в голове не было.

Подошла миловидная женщина, поздоровалась. Прошли по узкому коридорчику, открыла еще одну дверь. Кабинет ничем особо не отличался. Устроившись за столом и приняв деловой вид, женщина спросила:

– Что вас интересует?

– В первую очередь, гроб.

– Выбора в данный момент, скажу прямо, нет. Не знаю, доделал вчера столяр крышку или нет, сейчас посмотрим. Правда есть один готовый, давно стоит, не всем такой подходит.

Товар в торговом зале хотя был и особого назначения, но выглядел довольно живо – всевозможные разноцветные искусственные цветы, венки на разный манер, бетонные гранитные надгробия, кресты, ленты и еще много чего-то. Почти посередине, справа от входа, стоял гроб, обитый черной тканью с «серебряным» крестом на крышке и с «серебряными» кистями по бокам – не большой и не маленький.

– Вот и дождался, – обрадовано сказал я ожидавшей женщине, – именно такой и нужен.

В час дня, когда матушка уже лежала в гробу, из Петербурга приехали дьякон Иоанн и протоиерей отец Евгений. Дьякона мы знали давно и хорошо, батюшку видели впервые.

– Мы матушке крест привезли.

– Что за крест?

– Сейчас принесем, увидите.

Через несколько минут в прихожую внесли огромный деревянный, с козырьком от дождя, крест – о лучшем и мечтать нельзя было. Даже дата рождения была вырезана.

– Да где вы такой взяли?

– А мне матушка заказала, – ответил дьякон Иоанн, – лежал, ждал своего часа. Осталось вырезать дату смерти; сегодня и доделаю.

В четыре часа пришел отец Алексий с певчими. Матушку вынесли, и процессия направилась к церкви. Все встречавшиеся на пути крестились, кланялись, некоторые вставали на колени…

Утром, в день похорон, нас нагнала духовная дочь матушки Екатерина. Поговорив с женой, она задала неожиданный вопрос о черном покрывале.

– Так это вы его принесли? – удивилась жена.

– Да, я. Почему это вас так удивляет? Ездила я в монастырь, увидела там это покрывало и почему-то сразу подумала о матушке, хотя давно у нее не была. Купила и привезла в больницу. Видели бы вы, как она обрадовалась, прямо светилась вся и все целовала, целовала. Потом попросила положить его между подушками.

– Мы же головы изломали – откуда оно взялось. Хорошо, что вы рассказали.

Народу в церкви было уже много. Встретили отца Алексия. Он казался несколько смущенным:

– Галина, Евгений, я, кажется, вас подвел – не могут найти крест, куда запропастился?

– Отец Алексей, не волнуйтесь, загляните в притвор – крест стоит рядом с крышкой.

– Вот и славно, крест хороший. А то я неловко себя чувствовал.

Литургия, отпевание и погребение проходили при большом скоплении народа. Я видел знакомых из Коммунара, Луги, Колпино, Гатчины, Петербурга и удивлялся, как они быстро узнали о кончине матушки – мы ведь даже никому не позвонили. Много было священников, бывших духовных чад матушки, которых она благословила на служение Богу. Осиротевшие духовные дети не скрывали слез.

Похоронили матушку Варвару на церковном кладбище рядом с ее духовным наставником, преподобным Серафимом Вырицким. За поминальной трапезой вспоминали о чудодейственной помощи матушки, печалились о том, что не к кому теперь будет прийти посоветоваться, рассказать о своих проблемах. Тут же утешали себя тем, что матушка обещала молиться и там, наверху. «Только приходите ко мне до 12 часов, а то я вас не увижу», – говорила она.

Среди матушкиных чад был преуспевающий бизнесмен Николай с трехлетним сыном. У них с женой много лет не было детей.

Понятно, что денег на исправление беды не жалели, обращались к лучшим врачам, в том числе и за границей.

Но ничто не помогало. Ванечка появился Божией милостью, по молитвам матушки.

Сергей приехал с двумя сыновьями:

– Хочу сказать, что у нас все происходит, как и предсказывала матушка – вот один сын, вот второй, а вчера Вика родила дочку. Назвали ее Варварой.

Разрозненные воспоминания, собранные воедино, выстраивались в повесть о матушкином молитвенном и жизненном подвиге. Он удивлял явным действием Божией силы.

Улучив подходящий момент, жена объявила о распоряжении матушки по поводу икон, книг и богослужебных предметов:

– Икону Спасителя мама наказала передать в церковь; вот эти иконы Богородицы и Спасителя – Любе с Борей…

Я снимал один за другим образы и передавал тем, кому они предназначались. Люди благоговейно прикладывались к ним и благодарили матушку:

– Спасибо тебе, наша родная, не забыла чад своих грешных…

Вскоре «красный угол», увешанный и заставленный множеством икон, почти полностью опустел и выглядел сиротливо.

– А эти иконы Николая Угодника и Иверской Богоматери мама велела оставить нам.

– Галенька, а матушка ничего не рассказывала про эту икону? – неожиданно заговорила молчавшая до сих пор Лидия Андреевна.

– Кажется, нет, не помню. Я знаю, что кто-то принес ее.

– Так вот я и принесла… С нею такая чудная история произошла, что и не поверите.

Все затихли и приготовились слушать. Тишину нарушали только большие часы, висевшие над сервантом, громко тикающие и бесстрастно отсчитывающие время. Лидия Андреевна поправила черный платок и неторопливо начала свой рассказ:

– Все вы, дорогие братья и сестры, помните тот год, когда у нашей матушки украли четыре иконы. Особенно она убивалась из-за Серафима Саровского и «Неопалимой купины». Эти иконы были семейные, и привезла их матушка с родины, из родительского дома. Я успокаивала ее, как могла, говорила, что их найдут, вернут. Она плакала и отвечала: «Эти не вернут». И правда, милиция нашла только Спасителя и Николая Угодника.

У матушки не было образа Иверской Богоматери, который она очень почитала, и я решила найти его и подарить ей – думала, хоть этим как-то утешить. В своем Смоленском храме поговорила со старостой Владимиром Алексеевичем. Он с радостью согласился помочь. Нашли вот этот образ без киота. А матушка очень хотела, чтобы он был. С киотом-то самое интересное и произошло…

Когда Владимир Алексеевич отыскал его, я сразу поехала к матушке. Гололед в тот день был – прямо не устоять. Иду и все повторяю: «Везу, матушка, молись, чтоб не разбить!» За всю дорогу ни разу не поскользнулась. Стала вставлять образ – не подходит. Я и так кручу, и эдак; ну, хоть плачь – на целых два пальца по высоте больше.

Матушка наблюдает и молчит. Потом так же, молча, взяла икону, встала вот здесь, у комода, и стала молиться. Через какое-то время подходит к столу и без усилий вставляет в киот. Это чудо произошло на моих глазах! Я стала выражать матушке восторги, а она спокойно говорит: «Ну, как же, Лида, ты с таким трудом везла…»

Первым засобирался Сергей. Одел детей, попрощался и ушел. На улице в это время припустил спорый дождь, а до станции три километра. Всполошились мы несколько запоздало.

– Что ж это, человека с детьми пешком отправили в такую непогоду?!

– И правда, нехорошо получилось. Под окном машины стоят, а они… не дай Бог, еще заболеют.

– Вот и пакет с гостинцами забыли отдать.

В эту же ночь матушка явилась жене во сне. Не буду пересказывать весь сон, передам только эти слова: «Ты дитенок не обижай. Собери им подарки и отошли». Исполнено это было незамедлительно. Заодно узнали, что Сергей добрался до дома удачно и никто не захворал…

Мир и покой царят за церковной оградой. Изредка пошумливают старые сосны, свидетельницы всех событий, происходивших в храме иконы Казанской Божией Матери со дня его основания. Как бы боясь нарушить тишину, тихо воркует стая голубей, по-хозяйски, неторопливо расхаживая среди немногочисленных могил церковного кладбища.

Теплится лампада на могиле схимонахини матушки Варвары, мерцают огоньки трепетного пламени свечей, словно готового сорваться и улететь от неосторожного дуновения ветерка. Что-то шепчут, что-то рассказывают о своем сокровенном, о чем-то печалятся, спрашивают совета, просят рассудить и помочь, избавить от недуга матушкины духовные чада, многочисленные паломники, приезжающие в «Северный Иерусалим».

Так же, как и своей дочери Галине, она является им, утешает, наставляет, вразумляет, помогает. Сбываются ее прижизненные предсказания.

На днях звоню Лидии Андреевне справиться о ее здоровье, кое-что уточнить. После нескольких слов она сообщила то, что ей не терпелось сказать в первую очередь:

– Вы знаете, Женечка, сколько времени прошло, а сбылось еще одно предсказание нашей матушки. Однажды матушка, как бы между прочим, говорит мне: «А тебе, Лида, черное идет…» И так несколько раз. Потом добавила: «Будешь, как я». Прости меня, матушка, грешную – не поверила тогда. В жизни никогда не помышляла о монашестве. И, представьте себе, вот только что, по благословению своего духовника, приняла постриг!..

Матушка является жене довольно часто. Ее разговоры и указания совершенно конкретны, предметны и соответствуют реальным событиям. Однажды Галина перед сном спросила:

– Мама, приснись и расскажи, как Там тебе живется.

Ответ был получен в эту же ночь:

– Передо мной огромное высотное здание, – рассказывала жена утром. – И вот я карабкаюсь по нему вверх бесконечно долго. Чувствую, что совсем выбиваюсь из сил, руки изодраны, одежда превратилась в лохмотья, пот застилает глаза. И тут ослепительный свет. Зажмурила глаза, открыла, снова зажмурила… Когда привыкла к свету, увидела качели, увитые цветами. На качелях мама, молодая, красивая. Большая черная коса уложена короной; на ней легкое, как газовое, платье, из-под платья выглядывают серебряные туфельки. Улыбнулась и говорит: «Ну, вот, Галюшка, и увидела, как я живу»…

Да, нелегок, тернист путь к Горним сияющим вершинам. Карабкаться к ним нужно всю жизнь. Карабкаться упорно, настойчиво, не щадя одежд своих и тленной плоти, уповая на помощь Господа и Его святых угодников.

Как-то сама собой сложилась добрая традиция – в день кончины матушки Варвары собираться духовным чадам, тем, кто получил благодатную помощь по ее молитвам. После Литургии и панихиды на могилке, люди приходят в матушкину комнату и за чашкой чая ведут неспешные беседы, делятся своими воспоминаниями. Каждый год появляются все новые и новые лица.

На кухню из комнаты доносятся отрывки разговоров:

– Да для меня она живая. Пишу записки и все время рука не хочет писать «за упокой». Верьте, не верьте – забываю, что ее нет с нами…

– Я хочу сказать спасибо Божией Матери, что она посылает нам таких людей, как матушка, на которых мы должны равняться.

– Ну, такими нам невозможно быть.

– Такой физический, духовный и молитвенный подвиг нам, конечно, не совершить, но стремиться к чистой вере и благочестивой жизни мы должны. Для чего тогда Господь пострадал? Он и показывает через матушку, к чему мы должны стремиться.

– Я прихожу к матушке на могилку и все ей рассказываю. У моей сестры ситуация была из ряда вон выходящая. Пришла она ко мне и спрашивает, что ей делать? Говорю, пошли к матушке Варваре, она все управит. Через два дня все вопросы решаются, хотя казалось, их вообще никто не может решить. Если бы собрать все сведения о помощи матушки Варвары, ее пора канонизировать. Для нас-то она все равно святая.

– Помощь от матушки приходит даже близким нашим, которых она никогда в глаза не видела. Предстательство ее у Бога ощущаем постоянно.

Рассказать о своем решила Любовь Матвеева. Матушку она знала давно, часто бывала у нее с мужем Борисом в Вырице, так же часто навещали они ее в больнице.

– В девяностые годы я работала на совместном российско-немецком предприятии. Главным бухгалтером у нас была Галина Ивановна – прекраснейший специалист. Таких ценят на вес золота. Она попала в аварию и у нее отнялись ноги. До офиса ей, естественно, стало не добраться, и Галине Ивановне сделали исключение – разрешили работать дома. Ухаживала за нею мама, и все было хорошо, пока мама не умерла. Нужно было срочно найти человека, который мог бы постоянно находиться с Галиной Ивановной. И это оказалось неразрешимой проблемой. Все перепробовали – никого не найти. Начальница ко мне обратилась, но и у меня не было никаких возможностей. Борис как узнал об этом, сразу сказал: «Ты чего мучаешься, к матушке поезжай».

Приехала, никаких задержек, как будто меня ждут. Матушка ласковая, приветливая. Все ей рассказала, посидели, поговорили. О моем деле – ни слова. Собралась уходить, встала на

колени, прошу благословить. Благословила и говорит: «Вот выйдешь сейчас от меня, кого первого встретишь, того и проси».

Выхожу, в коридоре навстречу идет медсестра. Думаю, как же можно к незнакомому человеку подойти и сразу в лоб попросить. И тут же в голове мысль: «Так ведь матушкины слова – это не просто слова, а благословение…» Поравнявшись, остановила ее и все выложила. Медсестру звали Ритой. Мне показалось, она даже обрадовалась моему предложению. Говорит: «Спасибо, спасибо. Конечно, помогу». Оказалось, у Риты в это время был сложный жизненный период, в том числе и с жильем. А шла она к матушке за благословением. Дальше у Риты все сложилось очень хорошо. Нашла подмену- еще одну девочку. Познакомилась у Галины Ивановны с немцем, полюбили друг друга и живут теперь в Германии. С моей житейской точки зрения то, что произошло – настоящее чудо.

– Как же не чудо, – подхватила слова Любы Вера. – Всякая помощь по матушкиным молитвам – чудо. Жаль, что с нами нет моей внучки. Выучилась, обзавелась семьей. А начиналась ее жизнь, можно сказать, трагично. Еще совсем крошечную уронили. Плакала беспрестанно. Отнесла я внучку к матушке Варваре. Положила она ее на животик, долго гладила спинку – погладит, перекрестит, пошепчет молитвы и снова погладит. Девочка успокоилась. Матушка сказала, что у нее поврежден позвоночник, но волноваться не надо – все заживет.

В поликлинике, по настоянию родителей, сделали рентген. Врачи мне говорят: «Перелом позвоночника у вашей внучки. Почему так долго не приходили, там уже хрящики начали образовываться». Сама себе думаю: «Какое долго – три дня всего прошло. Значит, по матушкиным молитвам, так быстро заживает».

Операцию делать не стали. Внучка выросла статная, видная. В церковь со мной ходила. И тут наступил этот самый переломный возраст. Закрутило ее – мальчики, наркотики, еще чего-то… Не приведи Господь, кому это испытать – жизнь наша превратилась в страшный кошмар. У меня вся надежда была на матушку Варвару. И представьте, внучка однажды подходит и говорит:

– Я больше туда не пойду…

– Куда, – спрашиваю, – не пойдешь?

– Ну, вот, туда, – отвечает. – Пришла ко мне бабушка в черном и сказала: «Не сметь больше туда ходить, если хочешь жить».

После этого все как рукой сняло. Привела я внучку к матушке. Она увидела ее и воскликнула: «Так этаже бабушка и приходила ко мне!»

Эмоциональней всех воспринимала рассказы Нина:

– Надо же, какое диво, надо же, какое диво, – повторяла она. – Я уж про картошку и рассказывать не буду.

– Нина, расскажи. Что могло быть с картошкой? Нам все интересно.

– Осень того года такая была дождливая, картошку не выкопать- хоть плачь. Картошка у родственников в Минах была посажена. Пошла я к матушке и говорю: «Варварушка, помоги выкопать – заливает». «Выкопаете», – ответила она. На следующий день – солнце. Кругом тучи, а над полем – солнышко. Выкопали, высушили. Три дня стояла хорошая погода. Как убрали, опять дождь пошел.

– Про погоду я тоже сказать хочу, – продолжил тему Виктор Николаевич, врач из городка Коммунар. – Выходили из дома с женой, было сухо, зонты не взяли. В Вырицу приехали – дождливо. Пока до матушки дошли, насквозь промокли. Встречает нас словами: «Что, промокли? Ну, ладно, обратно пойдете – солнышко будет». Напоила нас чаем, просохли, уже и идти пора. А дождь как шел, так и идет. Матушка смеется: «Идите». Выходим, дождя над нами нет: справа дождь, слева дождь, а посередине дорожка чистого голубого неба. Так, по этой дорожке, до станции и дошли. Сели в электричку, опять пошел дождь.

– Помнишь, Галинушка, когда мы облачали матушку, я тебе говорила, что вокруг нее столько чудес происходило, люди тебе будут и будут рассказывать. Вот видишь, сколько лет мы собираемся, и все новые и новые истории слышим.

– Я тебе, Нина, свою историю тогда хотела рассказать, да не успела…

– Вот и правильно, значит, матушка тогда не благословила. Теперь всем расскажешь.

Перестали побрякивать вилки, ложки, чашки. Все стали ждать, что скажет матушкина дочь.

– Если бы не мама, не знаю, чем бы все и закончилось. Наши девочки на лето после школы обычно уезжали в Тверскую область, к Жениной маме. В тот год мы планировали то же самое. Ранней весной я обратила внимание на ноги нашей средней дочери – почти до колен они были в красных точках – будто еловыми ветками исхлестаны.

Мы сразу в детскую поликлинику. Врач не смогла ничего определить. Она даже перепугалась: «Может быть, это заразное?» – боится подойти. Заведующая поликлиникой заподозрила васкулит. Успокоила, что болезнь не заразная. Это воспаление стенок мелких кровеносных сосудов, не лечится. Устранять нужно причину, вызвавшую заболевание, а их множество.

Через Женину сестру попали к начальнику кафедры гистологии Военно-медицинской академии. Профессор подтвердил диагноз, но как лечить, не знал. Тут же позвонил своим друзьям-профессорам из Института скорой помощи. Посмотрели, развели руками – тоже не знают, как лечить. Побывали еще в двух местах, и разуверились в официальной медицине.

Стали обращаться к знакомым. Советов было много. В основном отправляли к «бабкам» и «дедкам». В Лисьем Носу дали мешок всяких трав. Выпили, но никаких улучшений. Болезнь тем временем быстро прогрессировала. Точки стали сливаться в пятна. В Сиверской снабдили мазью на основе дегтя. И она не помогла. Ездили в Петергоф, еще куда-то, тратили время, деньги и все зря.

До ног уже было не дотронуться. Стали образовываться мокнущие язвы. Ноги стали бинтовать, а сверху надевали гольфы. О поездке в деревню, естественно, и речи не могло быть.

В это лето мы получили в Вырице участок. Девочки день проводили с нами, а ночевать мы приходили к маме. Каждый вечер на кухне у нас происходила процедура снятия бинтов. Нагретым фурацилином бинты размачивали и постепенно снимали. Спала дочь отдельно на полу, потому что, не дай Бог, прикоснуться к ее ногам. Покрываться могла только простыней. Мама подходила несколько раз, а мы только отмахивались: «Да, не волнуйся, иди спать».

В один из вечеров, когда приготовились все начать сначала, мама подошла со святой водой и сказала: «Отойдите». Попросила нас выйти. Когда дочь пришла в комнату, я спросила ее:

– Что делала бабушка?

– Ничего особенного. Намочила бинты, сказала, чтобы я посидела, пока отмокнут, а сама молилась и ноги крестила. Потом стала аккуратно скручивать бинты. Совсем не было больно.

А мне мама сказала, чтобы утром ноги не бинтовали, надели только носочки и сандалии. На следующий день встали и глазам своим не поверили: ноги, на которые вечером страшно было смотреть, затянулись ровной тонкой пленочкой. С каждым днем становилось все лучше. Мы боялись, что останутся метки, но кожа образовалась ровная и гладкая, как будто никогда и не было этой безобразной болезни.

– Чудо, чудо, настоящее чудо, – первой заговорила Нина, – Как же так, Галинушка, получилось, что ты сразу к матушке не обратилась?

– Я и не знала, что мама может исцелять больных. Видела, что к ней приходили люди, считала, что это связано с церковными делами.

– Какая удивительная наша матушка Варвара. Даже дочь не знала об ее чудотворных делах.

– Только после этого случая глаза и открылись. Не зря мама называла нас слепцами.

Люди начали потихоньку собираться, прощались до следующей годовщины. И снова будут вестись неспешные, задушевные разговоры, и снова будут открываться новые случаи благодатной помощи великой Вырицкой молитвенницы.

Вспоминая матушку

Матушка Варвара в схиме

В Вырицком храме Казанской иконы Божией Матери я бываю часто и радуюсь, что он всегда наполнен людьми. Много среди них и тех, кто знал матушку Варвару при жизни, для кого она была духовным наставником, помогала в нуждах и скорбях.

Слава Богу и сейчас не зарастает тропинка к её могилке. В одно из воскресений после литургии около церковной лавки я встретил Ольгу – старшую свечницу: приветливая, улыбается:

– Ой, Женечка, как я рада тебя видеть. Давно хотела с тобой поговорить о книжечке про нашу матушку – пора бы её дополнить. Столько историй, столько историй новых рассказывают.

– Ты имеешь ввиду прижизненные истории?

– И прижизненные рассказывают, и о помощи в настоящее время рассказывают.

– Прекрасно, Оленька, давай вместе и дополним. Не случайно же я оказался в нужное время, в нужном месте.

Мы пристроились в уголке лавки на раскладных стульчиках и посмотрели друг на друга. На лице Ольги я заметил некоторое замешательство.

– Вот так сразу не знаю с чего начать. Надо было записывать. Я же не думала, что самой придётся пересказывать. А не буду далеко ходить – про свою знакомую расскажу. Как-то приходит ко мне Петровна – сама не своя. Спрашиваю: «Да что стряслось-то такое?».

– Ой, Ольга…! Не могу все рассказать, но ситуация такая, что человеческими силами её не решить. Просто не вижу выхода.

– Ты же в церковь, Петровна, пришла и нечего отчаиваться. То, что не по силам человеку, по силам нашим небесным покровителям. Пойдем к матушке Варваре. Расскажи ей всё искренне как живой; ничего не утаивай. На колени встань, поплачь.

Я ждала в сторонке и тоже молилась за неё. Подошла заплаканная. Спрашиваю:

– Все рассказала?

– Все…

– Ну, иди теперь с Богом домой и молись, как говорила всем матушка. Она за тебя ходатайствует не сомневайся.

Снова пришла ко мне Петровна дня через два: спокойная, уверенная.

– Оля ты не поверишь… То, что казалось невозможным, разрешилось чудесным образом, как бы само собой.

– У Бога, Петровна, всё возможно. Пойдём теперь поблагодарим матушку за помощь.

– Ольга, оказывается ты замечательная рассказчица.

– Не знаю, что тебе ещё и сказать. Подробности исчезают, имена забываются. Надо было записывать.

В лавке я познакомилась с молодой женщиной из Петербурга. Раньше она часто приезжала. Кажется, её Ксенией зовут. Однажды зашла – и в слезы.

– Да кто же тебя обидел? – Спрашиваю.

– Горе у меня – муж ушёл.

Подыграть бы ей, пожалеть, посочувствовать, а мне, не знаю почему, прости Господи, чуть ли не смешно стало.

– Муж ушёл, подумаешь, разве это горе…

– Что ты такое говоришь, Оля! Я же его люблю.

– К другой ушёл?

– Нет, просто ушёл. Он хотел ребёнка, и я хочу, а у нас не может быть детей. Врачи помочь не могут.

– Пойдем ка к матушке Варваре, Ксения, – там и поплачешь, и расскажешь ей всё. Она же послушница Богоматери. По её молитвам у многих дети родились.

После этого Ксения какое-то время не приезжала, а не так давно зашла; прямо светится вся: муж вернулся, ребенка ждут и мать выздоровела. Оказывается, когда муж ушёл, у неё ещё и мать болела; предстояла тяжёлая операция. Вот такие дела, Женя, происходят.

– Дела, Оля, чудные и удивительные. Не зря и матушка Варвара, и батюшка Серафим говорили, чтобы приходили к ним как к живым.

– Всё они видят и слышат, всё знают про нас и помогают. Иначе скорби нас давно бы одолели. Только нельзя равнодушно, потребительски относится к молитве.

– Так это, Оля, закон духовной жизни. Молитвенное прошение должно быть искренним, горячим, идти от сердца и с глубокой верой. Ну и что дальше, голубушка, наш творческий тандем явит миру?

– Ольга скользнула по мне весёлым с хитринкой взглядом и махнула рукой:

– Ай, ладно. Была, не была. Не хотела говорить об этом, но надеюсь, кума меня простит. Не любит она на эту тему распространяться. Дело-то уж очень необычное. Я даже не слышала, чтобы ещё такие случаи были.

У моей кумы есть внук Сашенька. Родился он с болезнью Дауна. Какие родители не хотели бы вылечить своего ребенка. Усилий было предпринято много, но лечение не очень-то помогало. Мальчик рос ласковым, приветливым, добродушным. В конце концов, смирились. Многие семьи с этим живут.

– Мы толком ничего объяснить не можем. Если такое бывает, значит зачем-то нужно. Извини, что перебил.

– А прошлой весной встретила я Нину Исидоровну.

– Я её знаю?

– Она напротив церкви живет. Ты же про неё писал. Она матушку облачала…

– Так я ее прекрасно знаю. Не знал только её отчества. И что же дальше произошло?

– Поговорили мы с ней, а под конец, как бы невзначай, говорит она мне: «А тебе, Ольга, молиться надо за мальчика, за Сашеньку. Шибко надо молиться. Каждый день молись. Проси у матушки Варвары. Приходи с утра пораньше, пока народу мало».

Я больше её ни о чём не спрашивала. Неспроста же она это сказала. У меня словно крылья выросли. Появилась не только надежда, но и вера в выздоровление. Не помню, сколько времени прошло с того дня – да и не считала; пришла радостная кума: «Ольга, боюсь даже говорить! Какие-то чудеса происходят! Сашеньке с каждым днём лучше: рассуждать начал, адекватно реагировать на всё, поступки осознанные… в общем, стал как все дети».

– Потрясающий случай, Оля, даже не слышал ни о чём подобном. Мне только не понятно, почему Нина именно тебе об этом сказала.

– Не знаю, не спрашивала. Хочешь, сходи к ней, она должна быть дома.

Выходим на крылечко, а там – Нина. Удивлённые, мы переглянулись с Ольгой. Поздоровались.

– Нина, не поверишь: только сейчас о тебе говорили. Хочу наведаться к тебе.

– Вот и хорошо. Слава Богу за всё. Вместе и пойдем.

Нина шагала неторопливо, опираясь на палочку. От помощи отказалась.

– За каждый шаг надо Бога благодарить. Кто-то и шага не может сделать.

Двор возле дома был уютным, ухоженным. Около кормушек ворковали голуби, чирикали воробьи, с ветки на ветку порхали деловитые синички.

Нас встретила, гостившая у Нины, сестра Мария, которая тут же захлопотала насчет обеда.

– У нас сегодня рыбный суп, ещё горячий, не успел остыть.

Около стола клетка из деревянных реек. В ней волнообразно семенит сизая голубка; что-то рассказывает на своём языке и неустанно кланяется. Голубку подобрали со сломанным крылом несколько лет назад, выходили и с тех пор она живет здесь.

Поблагодарив Отца небесного за хлеб насущный, мы перешли к дивану. Я хотел задать Нине интересующий меня вопрос, но сёстры опередили меня и заговорили о матушке Варваре. Они знали её долгое время при жизни, а Нина с матушкой ещё и в церкви работала.

– Досталось нам Евгений. Тогда же всё вручную делали: воду ведрами носили; к печкам дрова надо было принести. Особенно зимой тяжело было: снегу-то с человеческий рост наметало. Так умаемся, так умаемся, что матушка не раз ночевать здесь оставалась и даже жила иногда у меня.

– Она же наша наставница, мать наша духовная, – вступила в разговор Мария. – Какая матушка была прозорливая: всё знала про нас.

Живу я с семьёй в Петербурге. Там раньше и в церковь ходила. Но в городе почему-то не могла определиться с приходом. «Ведь это не ладно», – подумала я и решила об этом спросить у матушки Варвары. Она как будто ждала моего вопроса и сразу ответила: – «В Вырицу ходи, в наш храм Казанской иконы Божией Матери».

С мужем мы не были венчаны. Сколько его не уговаривала, он не соглашался. Но матушке я об этом не говорила. Вдруг в одно прекрасное воскресное утро, ни свет – ни заря, муж будит меня и говорит: «Поедем в Вырицу венчаться». Мигом размаялась, такая радость была, а про себя думаю: «Без матушки здесь не обошлось».

Взяли с собой дочку Люду и поехали. Зашли к матушке за благословением, а она нас уже ждет – весёлая… «Какая ты умница, – говорит, – что будешь сегодня венчаться. Всю ночь за вас молилась». И вдруг обратилась к Людмиле: «Тебя, доченька, благословляю выходить замуж за верующего».

А Люда тогда и вправду была на распутье и не могла решиться за кого выйти замуж. Она встречалась с инженером. Парень видный, из хорошей благополучной семьи; ухаживал красиво, но с предложением не торопился. Думаю, его смущало ее образование, потому что он постоянно уговаривал Людмилу поступить в институт.

Работала она в госпитале медсестрой. Ребят там молодых было много, но личных отношений она, ни с кем из них не заводила. В это время появился в госпитале новый пациент и сразу, что называется, «положил» на Люду глаз. Звали его Андреем, он прямо по пятам за ней ходил. Правильно говорят: «Терпение и труд всё перетрут». Андрей был терпелив, и с самого начала добивался руки Людмилы, и был он человеком верующим. После матушкиных слов Люда отбросила все сомнения и дала свое согласие.

Инженер долго убивался; места себе не находил; проходу ей не давал, а когда понял, что изменить ничего нельзя, просил Люду хотя бы познакомить его с похожей на неё подругой; и смех, и грех…

Мы же матушке об этом словом не обмолвились, а она и без нас всё знала.

– То, что вы рассказываете, умом постичь невозможно. Духовная жизнь, действительно, находится за гранью нашего понимания. Рассуждать о ней, тем более сомневаться – дело неблагодарное. В неё просто нужно верить и принимать как данность.

– Так сомневаются только неверующие, – убеждённо добавила Нина, – те, которым всё пощупать надо, как Фоме. А для верующих матушкины чудеса – только радость и утешение. Очень сильный дар прозорливости был у неё. Ты послушай, что тебе ещё Маша расскажет.

– Вскоре поженились Андрей с Людой, повенчались по матушкиному благословению. Прихожу я к ней через какое-то время, а она и говорит: «Вы солнечную комнату для ребенка освободите. Ни встать, ни сесть». Я матушку даже не поняла вначале.

Мы действительно с мужем жили в комнате с окнами на Юг, а Люда с Андреем – на Север. Но я никогда не рассказывала матушке о расположении комнат в квартире. И о ребёнке разговоров не было, а она уже всё знала. Южную комнату мы сразу освободили. Внуку сейчас двадцать три года, Люда с Андреем живут душа в душу. Я ни разу не слышала, чтобы кто из них повысил голос.

Когда Мария произносила эти слова, взгляд её потеплел, лицо просветлело. А я подумал: «Надо же какая Любовь может быть в наше время, полное страстей. Только благословенная Богом может быть такая Любовь. Она смиряет, помогает нести тяготы друг друга, не замечает бытовые мелочи и неурядицы, умягчает сердца, сохраняет душевный мир, противостоит страстям и приближает к Отцу Небесному. Как не хватает такой любви людям. С нею мир давно бы стал совершенней. И „не святых святых“ на Земле стало бы гораздо больше».

– Всё знала матушка о своих чадах, – продолжала Мария, – помню, застала у неё молодую монахиню. Она просила благословения на переезд в Иерусалим. Матушка говорит ей: «В Иерусалим съездить благословляю, но вернёшься обратно». Так и получилось.

– Всё знала, всё знала, – подхватила Нина.

– Господь многими дарами наградил её, но по смирению своему она о них не говорила. Если её кто-то хвалил, она только повторяла: «Я не знаю ничего, Матерь Божья все знает. Помолюсь Ей – Она мне скажет».

Провожая своих духовных детей, матушка молилась и благословляла Ангелом Путником. При этом она наказывала не заходить в магазины, в буфеты. Тем, кто нарушал наказ, она всегда напоминала об этом. «Да как, матушка, узнала-то?» – спрашивали её. Она улыбалась и отвечала: «Ангел Путник вернулся и всё рассказал».

Так матушка учила нас послушанию и смирению.

Воспользовавшись паузой в разговоре, я задал Нине вопрос, на который не смогла ответить мне Ольга.

– Виденье мне было: матушка Варвара приходила и велела Ольге молиться за болящего Александра. Так и сказала: «Передай Ольге из лавки – пусть молится за болящего Александра. Каждый день пусть молится, пока не он выздоровеет».

– Не понятно только почему именно Ольга должна была молиться.

– Она же крёстная мать Сашеньки. А материнская молитва очень сильная. И как теперь мальчик?

– Учится в школе, очень способный, поёт, играет: не спросил на каких инструментах…

– Надо же какое чудо! – Восхитилась Мария.

– Слава Богу за всё, – поставила точку в разговоре Нина.

Панихида на могилке матушки. Второй слева протоиерей Алексий Коровин; третья справа Нина Исидоровна (Нина).

Но оказалось, это была не точка, а многоточие. Когда я встал, чтобы попрощаться с сёстрами, вновь заговорила Нина. И как мне показалось, с некоторым упреком:

– Что же ты, Евгений, о монахине Марии ничего не напишешь? О сыне Владимире в своей книжечке упомянул, а о ней ни слова. Она же великая подвижница была; веру имела крепкую. А какая тяжёлая жизнь ей досталась. Сколько скорбей и страданий перенесла. С матушкой Варварой они дружили, в церкви вместе трудились. И могилки их рядом.

– Я же о ней ничего не знаю.

– Много-то я тебе тоже не расскажу… Познакомились мы с ней в храме Петра и Павла. Я приезжала из города к нашей третьей сестре, а она жила неподалёку от храма. Служил тогда там отец Владимир. Матушка Мария прислуживала, читала шесть псалмов. Росточку она была небольшого. Почему-то очень захотелось мне с нею познакомиться, чем-то ей помочь.

После службы подождала её на крыльце, помогла спуститься по ступенькам. Она сказала: «Спасибо». Так мы с ней и пошли до дома. Была весна. Дорога грязная. Я говорю: «Какая дорога плохая». Она в ответ: «Никогда так не говори – покайся». Поначалу я даже не поняла, в чём я должна каяться. Только позднее дошло: грязная дорога вызывала у меня раздражение, а раздражение ранило душу, вводило в греховное состояние. Матушка же радовалась теплу и грязь воспринимала как Божью благодать. Я поняла, что роптать нельзя – за всё нужно благодарить Бога. Не роптать надо, а исправлять всё добрыми делами.

Жила матушка Мария на Оредежской улице в коммунальном доме. Когда я уже закрыла уличную калитку, она неожиданно предложила съездить в Пюхтицкий монастырь. Работала я посменно, как поедешь? Она мне говорит, поменяйся. Поменялась. И мы побывали в монастыре.

Так я впервые приобщилась к паломничеству. Куда мы только не ездили с матушкой Марией: в Печоры, в Ригу, в Вильнюс; в Почаеве попали на праздник святого Иова Почаевского; в Загорске побывали у преподобного Сергия Радонежского; молились на могилке отца Кукши в Одессе.

– Нина, матушку в миру звали Мариной – ты знаешь в каком монастыре она постриг приняла?

– Под Ригой. Мы туда тоже ездили.

– О жизни своей она тебе рассказывала?

– В первый год знакомства рассказывала. Матушка пригласила меня на Рождественскую службу в храм Казанской иконы Божьей Матери. До этого в нем я ещё не была. Она его очень любила; много лет в нём работала. Мне тоже наш храм сразу понравился. Служил тогда в нём протоиерей Алексий (Коровин).

После службы мы поехали к матушке домой. Я уже говорила, жила она в коммунальном доме на Оредежской улице. Комнатка у неё была небольшая: всего девять метров. Там она и поведала мне про свою жизнь.

Родилась матушка где-то в Пермском крае. Больная родилась. В полтора года родители от неё отказались. На воспитание Марину взяла Анна – женщина набожная, благочестивая. Сорок дней подряд Анна топила баню и сорок дней носила девочку в баню. После банных процедур Марина выздоровела.

«Анну я называла только мамой, – вспоминала матушка Мария. – Такая добрая, такая добрая была у меня мама. До семнадцати лет даже делать ничего не давала. Говорила твоё главное дело, читать священные книги».

После школы Анна отправила дочку учиться в Ленинград на медсестру. После окончания учёбы Марина работала в поликлинике табачной фабрики. Вышла замуж. У нее родились

сын Владимир и дочь Лидия. Не знаю, что произошло, но в самое трудное время, когда дети были маленькие, муж бросил ее. Она с детьми оказались без жилья; почему – тоже не знаю – постеснялась спросить. Вот что сама матушка Мария рассказывала: «Мы оказались без жилья. Днем, пока я работала, одна добрая женщина брала детей к себе. После работы я их забирала. Мы шли на кладбище к Ксении блаженной. Там возле ее могилки и ночевали. Когда не работала, находились в храме до закрытия. Ксеньюшка нам и с питанием помогала».

Долго ли так продолжалось – не скажу. На лето Марину отправили в Вырицу медсестрой в детский сад. Здесь она ходила в наш храм, прилепилась всем сердцем к батюшке Серафиму (в живых его уже не было) и решила остаться в Вырице. Здесь Марина тоже намыкалась – без слез я ее слушать не могла. Садик, в котором она работала, к осени закрыли, опять надо было искать жильё. Долгое время ходила, искала.

Наконец одна хозяйка предложила ей пустующий хлев. Марину это нисколько не смутило. Она даже обрадовалась: «Господь в яслях родился, а я-то грешная пожить в хлеву почту за благо». Марина привела хлев в порядок, и они в нём прожили два года. Через два года хозяйке помещение понадобилось. Следующий год прожили в холодной времянке. Как зиму перенесли – уму непостижимо. Так и мыкались по чужим углам, пока не дали комнату. И все эти годы, по благословению, матушка читала Псалтырь за усопших. Я спросила за скольких человек она ее прочитала. Оказалось больше трёх тысяч.

Десять лет мы с нею вместе были, и хоть бы раз я услышала, чтобы матушка роптала. Всё смиренно принимала; за все благодарила Бога. Многому она меня научила. Научила благоговейно вкушать пищу. Говорила: «Нина, во время трапезы нельзя говорить ни одного слова, нужно всё время молчать и благодарить Бога – никаких выступлений». Матушка была строгая Божья законница.

Она очень хотела, чтобы я переехала из города именно в этот дом напротив церкви. По её молитвам так и получилось. А батюшка Иоанн Крестьянкин благословил меня на работу в наш храм. Двенадцать лет я в нём проработала. Здесь и матушку Варвару встретила…

Болыпе-то, Евгений я тебе не расскажу.

– И на том, Нина, спасибо. В общем, ты обозначила жизненный путь матушки Марии. Меня только смущает одно обстоятельство: дети. Ты сказала, что детей было двое…

– Матушка сама мне говорила.

– Но Галя, жена моя, никогда о дочери не упоминала. О Володе рассказывала: как они дружили с её братом, в церкви вместе прислуживали. Подчёркивала, что Володя умный был, учился отлично и даже помогал ей переводить с английского «Хижину дяди Тома».

Рассказывала, как матушка Мария угощала их пшённой кашей. Но вот дочь никогда не видела и разговоров о ней не было.

Мария с Ниной недоумённо переглянулись.

– Да как же так!? Лидию, правда, мы тоже не видели. Владимир к нам каждое лето заходит.

– Володю и мне довелось видеть: приезжал на сорок дней кончины матушки Варвары. Там они с братом Галиным встретились: оба высокие, статные, как на подбор. Поговорить и вспомнить им было о чём. Работал в то время Володя главным инженером на «Северных верфях».

– Сейчас он на пенсии. У него дача в Тверской; пасеку держит. Баночку мёда всегда принесёт.

– Нина, а может быть неспроста такая версия существует? – Спросила Мария сестру.

– Что за версия?

– Будто бы муж похитил дочку. Матушка долго её искала, но так и не нашла.

– Надо же! А я не слыхала. Какую скорбь матушка перенесла, если это правда. Ты, Евгений, зайди к матушке Людмиле: она её хорошо знала, да и родом они из одной местности. Может быть, что и скажет.

– Обязательно зайду.

Продолжая разговор, Мария обратилась к сестре:

– Нина, ты не хочешь рассказать, как вы паломничали. У вас столько интересного происходило. Расскажи, как матушку отец Кукша встречал.

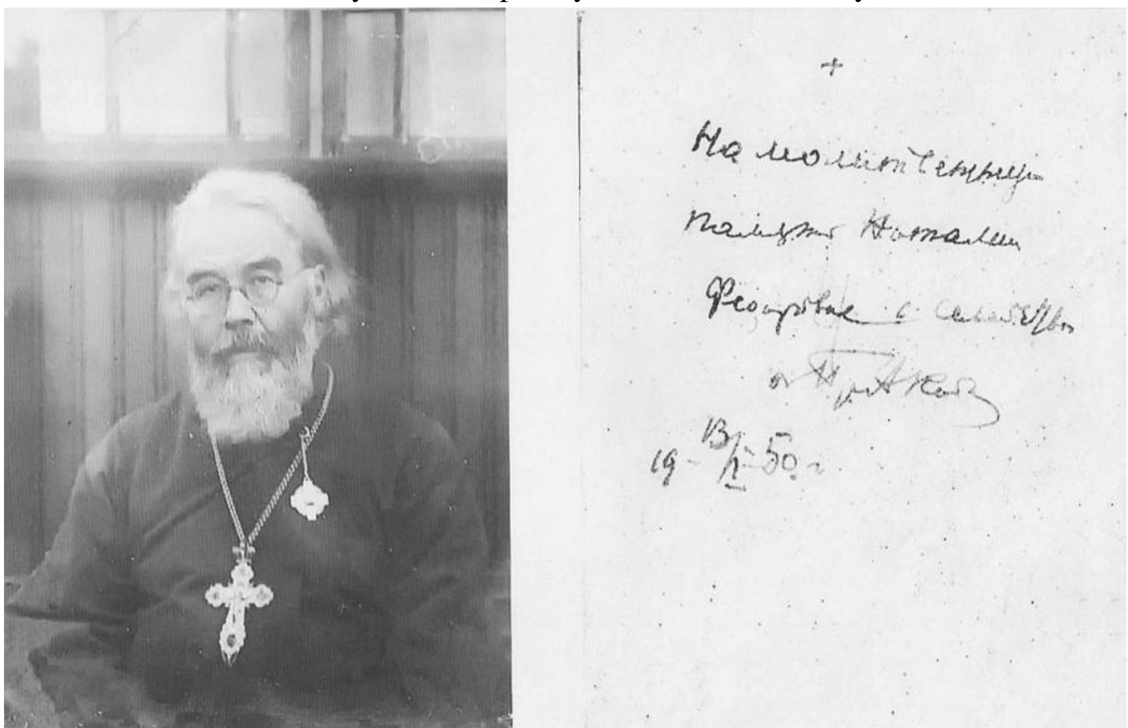
– Тогда она без меня ездила – одна. Приехала в Одессу, вышла на перрон, а куда идти не знает. Слышу говорит, голос: «Кто тут матушка Мария?!». Послушник из монастыря прибежал её встречать. Увидел и рассмеялся. Она же маленькая была, а он искал высокого гостя. Оказывается, они с отцом Кукшей сидели на берегу моря. Батюшка полощет в воде ноги и вдруг говорит послушнику: «Беги на вокзал к нам высокий гость из Вырицы едет».

Мы тоже невольно улыбнулись, а Нина продолжила:

– Вдвоём мы ездили на могилку к отцу Кукше. Интересного в наших поездках, правда, много было, и даже приключения случались. Но с ходу всё не припомнишь. Надо подумать. Сестра у меня писательница – я ей буду рассказывать, а она запишет. Потом передадим тебе…

От сестёр я уходил с тёплыми чувствами и с благодарностью за то, что они открыли ещё несколько страниц жизни матушки Варвары. Я знал, что неоткрытых страниц ещё много, но до последней годовщины её кончины, не мог понять, почему они так трудно открываются. После панихиды, которую проникновенно и с любовью совершил отец Мефодий, я случайно услышал обрывки разговора жены с миловидной брюнеткой. Женщину эту и ее мужа я знаю давно и считал их людьми материально благополучными. То, что я услышал, меня удивило.

– … Галя, мы были в отчаянии. Зарплату не платили; денег занять стало не у кого; муж, заведующий отделением, штаны верёвкой подвязывал… Семья голодала… Матушка нас спасла. По её благословению муж сменил работу и как по волшебству все изменилось…

Фотография последнего духовника преподобного Серафима Вырицкого о. Алексия Кибардина, подаренная им матушке Варваре с дарственной надписью на обороте.

И машину купили… Мы к ней до последнего дня ездили…

Дальше подслушивать было неприлично, и я подошёл к ним.

– Кумушки-голубушки, поделитесь и со мной вашими секретами, а я их разнесу по всему свету в книжечке о матушке Варваре.

Рассказчица умолкла, переменилась в лице и чуть ли не с испугом произнесла:

– Нет, нет, нет – ни в коем случае…

Я даже не удивился такой реакции, потому что вижу и слышу её уже не в первый раз. Вариации разные, но суть одна – отказ. Первым отказал настоятель одного храма. Его сын проводил летние каникулы на Юге и тяжело заболел. Болезнь прогрессировала быстро и остро. Местные медики запаниковали. Настоятель попросил матушку Варвару помолиться о выздоровлении сына. Молилась она всю ночь, а утром позвонили и сообщили о чудесном исцелении.

Приезжали к матушке чаще всего не побеседовать на потребу души, а за помощью. В лихие девяностые годы попал к ней Борис Матвеев. Что-то не заладилось в его жизни. Своими силами, без Божией помощи справиться не мог. Никакой конкретики о его проблемах я так и не узнал.

Единственно, что рассказала его жена Люба о первой встречи с матушкой Варварой – оба упали на колени друг перед другом и долго плакали. Вскоре, после первой встречи, Борис организовал успешный бизнес. У матушки он стал бывать постоянно и, похоже, любил её как родной сын. Ездил по монастырям, много жертвовал. В своей родной деревне восстановил часовню.

Естественно мне интересно было узнать о его жизненных перепетиях, о том, что привело к матушке, о их взаимоотношениях. Борис долго смотрел на меня добрым, с лёгким прищуром взглядом, в котором проглядывались и насмешливость, и таинственность, но ничего не сказал. Всё было понятно без слов. Так и унес свою тайну в могилу. Мужик был хороший. Мне он нравился. Царствие ему небесное.

Протоиерей отец Александр несёт пастырскую службу на Севере. Слышал о нем добрые отзывы. Судьба тоже не простая. Бывший офицер. В девяностые потерял Армию. Что его привело к матушке Варваре – не знаю. Но знаю, что она благословила его на учёбу в семинарии. Просьбу написать о своём священническом пути передал с прихожанкой из Кандалакши Фаиной. Батюшка отказал…

Признаюсь честно, меня это несколько обескуражило. Но я не унывал. Воспринимал отказы спокойно, философски, памятуя о Божьей воле. Ничего просто так в жизни не происходит. Что должно было открыться о матушке Варваре, открылось; чему предстоит открыться, откроется. Перед Богом её подвижнический подвиг от этого не умалится и не возрастёт. А от нашей-то воли он и вовсе не зависит. В конце концов, благодатная помощь наших молитвенников по милости Отца Небесного – это не социалистическое соревнование и не состязание миллиардеров из списка «Форбс». Но понять причину отказов всё-таки хотелось. Об этом я и спросил нашу собеседницу. Она виновато сложила на груди руки и чуть ли не шёпотом ответила:

– Матушка не велела. Сказала: «Носи в себе»…

От сестёр я уходил с благодарностью и за то, что они обозначили жизненный путь ещё одной подвижницы православной веры матушки Марии. Если будет на то Божья воля, может быть удастся более подробно узнать и рассказать и об этом пути. Но пока я не знал где искать источники ее жизнеописания и, по совету сестёр, направился к матушке Людмиле – жене почившего протоиерея Алексия (Коровина).

Матушка оказалась дома; встретила приветливо. Её дочь Маша тотчас приготовила чай, а чашечка хорошего чая настраивает на беседу неторопливую, душевную. Так она у нас и протекала. Но интересующего меня матушка сообщить не смогла.

– Нет, на малой родине ни я, ни отец Алексий её не знали. Только здесь, в Вырице, познакомились. Больше чем Нина Исидоровна, я вам сказать не смогу. Что касается детей – про Лиду она упоминала, но я её не видела. Володю видела, а её нет…

Вернувшись домой, я, первым делом, рассказал об этом жене.

– Да, Лида приезжала к ним из города. Она училась в профессиональном училище. Я видела её в форменной шинели. Но она была двоюродная сестра. В Ленинград она приехала, кажется, из Перми.

– Прямо детективная история. Без Володи, похоже, разобраться будет сложно. У нас же его телефон был.

– Где-то записан; надо будет поискать.

– Ну ладно. Всему своё время. Каша-то пшённая вкусная была?

– Кашу тётя Марина вкусно варила и накладывала много. Когда я ей говорила, что столько не съесть, она в ответ: «Мы сейчас, доченька, маслица положим, и всё съешь». Делала углубление для масла, а когда оно растапливалось, перемешивала. Вкусно было.

– Тебя она доченькой называла, а Лиду как?

– Тоже доченькой…

Слава Богу за все!